

КОМСОМОЛЬСКАЯ БРИГАНТИНА

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА, комсомольца с 1939 года.

КРОКОДИЛ
комсомолец с 1922 года

29
ОКТАБРЬ 1968

ЗДРАВСТВУЙ, КОМСОМОЛ!

Это любо посмотреть, как он ходит. Я и прежде узнавал его по походке.

— Комсомол! — окликнул я.— Погоди!

Трудное дело — догнать его в московской толпе. Я подобрал живот, прижал к груди вилы и втиснулся.

— Поосторожнее! — буркнул неизвестный мужчина, спотыкаясь о мой хвост.— Нельзя не толкаться?

— Где вилы брали? — налетела на меня массивная дачница.

— Извините, — сказал я, подпрыгивая в толпе.— Спешу. Комсомол! — крикнул я, пропадая.— Постой!

Тут он, конечно, услышал. У него слух настроен на крик о помощи, ловит с любой дистанции.

— Уф! — сказал я, повисая у него на плече.— Здравствуй, Комсомол. Ты что бегаешь так? Ты на возрасте человек, пора сбавлять шаг. Забыл, сколько тебе на днях стукнет?

— Я, Крокодил, все помню. Во мне и мемуарист сидит. Видишь, вот запасуюсь к празднику. Пособил бы нести.

— Ты и напитков купил? Смотри, это вразрез не идет? Все-таки пенное наследие культуры прошлого.

— Ну, не будь ханжой, Крокодил. Мы же с тобой знаем меру. Как здоровье, скажи? Ревматические атаки, то, се...

— Профилактируюсь, превозмогаю.

— В питании не стеснен?

— Не стеснен, — вздохнул я.— Хоть бы твой праздник диетой отметить, а нет, не дают. Не почта идет — сплошное меню. А ты чем похвалишься?

— Я похвалюсь. Вот за двадцать последних лет привык стряпанное поваром есть. Не то что раньше — сухоматка из кулака. Развяжешь котомку, а там шматок сушеной бельдюги в махорочных крошках, и кости у нее зеленые, как трава. Точно вспомнить. Теперь, в какой ни сажу глубинке, потребляю три блюда.

— Изнеживаешься, значит?

— Зачем изнеживаюсь? Просто недаром пятьдесят лет ополчался, изжил пищевую трудность.

— Поди, сейчас и на тачанке не смог бы проехать? Нынче на одном «Мосфильме» только и могут.

— А ты одолжи тачанку с «Мосфильма» — посмотрим. Двадцать пять тысяч специалистов по этой части было воспитано, вот так. Твой друг — солдат со стажем. И конно и ракетно умеет. Из одиннадцати тысяч Героев Советского Союза комсомольцев — семь тысяч. Орденосцев — три миллиона!

— Смотри, для мирных орденов место оставь. Исконные специальности не забудь!

— Да хоть от сна оторви: метро — мое, автомобили, лес, уголь, руда, гидростанции, каналы, тракторы, сталь, чугун, цветмет, градостроение... Была тебе нужда спрашивать! Ведь сам кругом приезжал, помогал мне! Не с тобой ли мы ехали теплушкой на целину? Друг на друге хлопали комаров в Сибири. А Ташкент? Помнишь, бульдозерист Иван Шотин не выполнил норму, полдня ловил в разрушенном доме сверчка, хотел поселить на новое место? Тебе говорили, надо вспыпать этому парню, а ты не подкачал, отказался. А в Норильске...

— Ну нет, — перебил я.— Ты меня не переоценивай, в Норильске я не был. Сам посуди: мне и сторонним наблюдателем разве послеть всюду, где у тебя строительство? У тебя миллион восьмьсот тысяч народу на ударных стройках, в небе сплошной клетчат монтажников да триста тысяч студентов во Всесоюзном студенческом строительном отряде, а у меня с курьером Марией Андреевной и главным редактором едва пятьдесят человек. Лучше скажи: от перемены мест не устал? Не тянет осесть, вместо трубчатой мебели завести что получше?

— Не могу осесть, Крокодил. И деньжата водятся, хватило бы на обзавод, и места подходящие есть, а как построим магазин да завезут в него мебель — душа просится в лайнер.

— Неоседлые мы с тобой, Комсомол. Да и тут ты меня обскакал.

— Завидуешь мне?

— Зверски завидую. И зоркий ты, замечаешь по сторонам много, будто под ноги на пути не надо смотреть, и удачливый ты, и молодой, всегда на грани первого поцелуя. А это тоже ты, Комсомол?

— Который?

— А вон тот, волосатый. Не хочешь видеть в канун юбилея? И он и вообще все эти, что живут в шалашах своих причесок, — это тоже ты, Комсомол? Двадцатилетние старики и старушки — ты?

— Это тоже я, Крокодил. Мое лицо. Знаешь, после бритья не вытер одеколоном — и вот... Давай цепляй юбиляра, раз крупнее ничего не нашел.

— Ладно, — сказал я.— Посчитаем старой славянской пословицей: при большом строительстве аршин — не косина.

— И микрон при большом строительстве — косина, — сказал он мне.— И вообще я пересматриваю пословицы. Они не все хороши, есть несущие моральную радиацию.

— А как по части религии, Комсомол?

— Верую, — признался он.— Верую в пятиконечные звезды, в цвета революции, в герб СССР; не верую в распятого на кресте — верю в распятых на звездах.

— Ты учишься, Комсомол?

— Да, у партии. Что бы я ни делал, я учусь.

— Ты, я знаю, уже профессор во многих делах!

— Я профессор-студент.

— Ты доволен собой?

— Этого со мной быть не может.

— А жизнью?

— Жизнью — да. Я отладил учебу, работу, теперь учусь строить отдых. Это сложная индустрия, и она обязательней, чем может показаться с первого взгляда. Я спортсмен, состою во всех обществах. Я природовед и турист. Я стал выше ростом. И, извини, покрасивел. Суди: кто занимался мною пятьдесят лет назад? Мюру и Мерилизу, скажем, было до меня дело? Или системе императорских и коршевских театров? Ни черта им не было дела! И куафер на Неглинной стриг не меня. А нынче считай: лучшие парикмахеры работают на меня, Дом моделей, мастера сцены, ювелир, хоть позднее всех, а тоже повернулся ко мне, часовщик вынул из глаза стеклышко — здравствуйте, заходите, давно не были, лет эдак триста. Архитектор приходит, спрашивает: вы, мол, как хотите, что вам больше по вкусу — геометрический конструктивизм просто или с функционализмом в придачу? Скульптор тут, художник, писатель и Рихтер — недурно?

— Значит, Комсомол, все в порядке?

— В порядке, так и пиши.

— Тогда давай твои пять. Да не жми так сильно, не жми! С праздником тебя, Комсомол! Удачи и радостей! Здравствуй, Комсомол!

Интервью с Комсомолом от имени Крокодила вели
Н. МОНАХОВ, комсомолец с 1955 года,
А. МОРАЛЕВИЧ, комсомолец с 1953 года.

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ,
комсомолец с 1918 года.

Ему полвека

Рыцарем Добра и Света
Пять десятков лет прожив,
Комсомол Страны Советов
Так же молод и красив.

Он в минувшие години
Подарить стране сумел
Радость смелого почина,
Чудеса прекрасных дел.

Он —
творец счастливой доли
Для трудящихся людей.

Где ребята всех смелей!
Где девчата всех милей!
В комсомоле.

Без сомненья, в комсомоле!
Ну, конечно, в комсомоле!
Безусловно, в комсомоле!
Это факт.

Образец для молодежи —
Все, что делается им.
Он в сражениях надежен,
Он в труде неутомим.

Он крепит единство, братство,
Множит пыл комсомолят,

Победителей препятствий,
Сокрушителей преград.
Он всегда

в подобной роли
Завоевывал успех.

Где ребята крепче всех!
Где девчата краше всех!
В комсомоле.

Без сомненья, в комсомоле!
Ну, конечно, в комсомоле!
Безусловно, в комсомоле!
Это факт.

На вечерках, на привалах
Комсомол с давнишних пор
Заводила, запевала,
Мастер шутки и танцор.

Он шумлив, задорен, весел.
Нет на свете никого,
Кто имеет столько песен,
Сколько есть их у него.

У него
не оттого ли
Самый звонкий в мире
смех!

Где ребята лучше всех!
Где девчата звонче всех!
В комсомоле.

Без сомненья, в комсомоле!
Ну, конечно, в комсомоле!
Безусловно, в комсомоле!
Это факт.

Семен НАРИНЬЯНИ, комсомолец с 1923 года.

НАМ БЫЛО ШЕСТНАДЦАТЬ...

На днях меня пригласили в школу, где учится внук, поставили лицом к лицу с переполненным залом, постучали карандашом о графин с водой:

— Скажите, что вам дал комсомол? Чем вы обязаны ему?

— Как чем? Всем!

— А именно?

— Всем, что у меня есть! Всем, что я могу! И всем, чего не могу делать, но хочу.

И мне пришлось начинать рассказ с самого начала. Говорить о днях комсомольского детства и отрочества. О годах, когда я еще учился в школе. Конечно, не в теперешней многоэтажной, образцово построенной, образцово оснащенной учебными кабинетами, спортзалом, библиотекой десятилетке, а в той одноэтажной заурядной девятилетке начала двадцатых годов.

Простите, вру, не заурядной. Это была редкая по тому далекому времени школа. Даже не редкая, а единственная в нашем городе, где комсомольцы выпускали свою собственную газету «Мир ученика». Сначала школьная газета выходила раз в неделю, потом два, три, и наконец мы сделали ее ежедневной. Горком комсомола посылал нас, членов редколлегии, в другие школы делиться опытом. И мы ходили, делились, сеяли разумное, доброе, вечное, объясняли, чем юнкорская заметка отличается от передовой статьи и от романа в стихах «Евгений Онегин».

Наши старания принесли хорошие всходы. В то время как в других школах стали выходить ежемесячные и двухне-

дельные газеты, наша редколлегия решила взять новую высоту: перевести свою ежедневку на двухразовый выпуск. В утреннем издании призывать школьников к новым победам в освоении мировой культуры, а в вечернем — подбивать итоги прошедшего дня, подвергая строгому анализу все полученные за день двойки и тройки; уточняя, сколько двоек приходится на долю комсомольцев и сколько — на несоюзную молодежь.

К сожалению, ни одному жителю нашего города так и не удалось узреть, как выглядит школьная «вечерка», так как учебный год подошел к концу и неутомимые члены редколлегии «Мира ученика» покинули среднюю школу, чтобы начать учебу в высшей. И они не только начали, но и своевременно окончили среднеазиатский университет. Все, кроме одного. Ответственного редактора. Правда, редактор тоже начал учиться. Первые два дня аккуратно ходил на занятия, аккуратно слушал, записывал лекции. А на третий день его неожиданно вызвали в горком комсомола и сказали:

— В городе начинает выходить печатная комсомольская газета «Молодой ленинец Востока». К тебе просьба — сходи помоги ребятам.

— А как университет?

— Горком договорился с ректором. Тебе предоставляется полугодовой академический отпуск. Ходи эти полгода в редакцию, содействуй, помогай.

Я пошел и не столько помогал ребятам, сколько учился вместе с ними: постигал азы журналистики. Ждал, когда

кончится полугодовой академический отпуск, чтобы снова стать студентом. А через полгода, словно нарочно, в Ташкент из Москвы приходит сообщение: ЦК комсомола готовится к выпуску всесоюзной ежедневной газеты «Комсомольская правда».

В жизнь нашего поколения «Комсомольская правда» вписалась навсегда и прочно. Сейчас трудно представить время, когда «Комсомолки» не было. Но уже и тогда мы с нетерпением ждали ее. Мы — это мальчики и девочки тех лет. Пятнадцатилетние юнкоры и шестнадцатилетние сотрудники только-только рожденных местных комсомольских газет. И у нас в «Молодом ленинце Востока» сейчас же по получении сообщения из Москвы рождается идея: послать во всесоюзную газету своего человека. Кого? Конечно, самого талантливого и самого опытного. Но опытных и талантливых у нас всего один: Коля Старов. Пошлешь его, и свою газету делать будет некому.

А что, если послать молодого и неопытного?

И вот я еду в Москву, в газету, которой пока нет, но которая скоро должна быть. Меня собирает в дорогу вся редакция. Шапка идет по кругу. Доброхоты бросают в нее кто что может. Один дарит будущему журналисту носки, другой рубашку, третий почти новые, всего два раза латанные штаны. Лишних денег ни у ребят, ни в смете редакции нет, поэтому деньги ссужает горкомовская касса. Зав. финхозсектором неохотно кладет резолюцию — отпустить пятьдесят рублей: 27 — на покупку железнодорожного билета, 3 — на дорожные хар-

чи, 20 — на черный день. Эти заветные двадцать рублей мать туго привязывает мне к ноге под штанину, чтобы злые люди не стащили в дороге.

Март. В Ташкенте уже цветет урюк. Температура в тени плюс двадцать. На голове у меня тюбетейка, на ногах сандалии. В таком экзотическом виде я приезжаю в Москву. А тут разгар зимы. На термометре не плюс, а минус двадцать. Проводник вагона советует заморозить уши футболкой, ноги обернуть газетой. Заматываю, обертываю и чуть жив прибываю в ЦК комсомола. В отделе печати меня отогревают, оттирают и сообщают малоприятную новость: «Комсомольской правды» пока нет, и начнет она выходить только через два с половиной месяца.

— Земляки в Москве есть?

— Один.

— Поживи пока у него. А работу тебе на эти два с половиной месяца обеспечит биржа труда. Сходи, стань на учет.

Пошел на биржу труда, а там у каждого окошка длиннющие очереди. Только к вечеру добираюсь до регистратора.

— Имя, отчество, фамилия, профессия?

Прежде чем ответить на последний вопрос, думал не меньше минуты, наконец решился, сказал:

— Журналист!

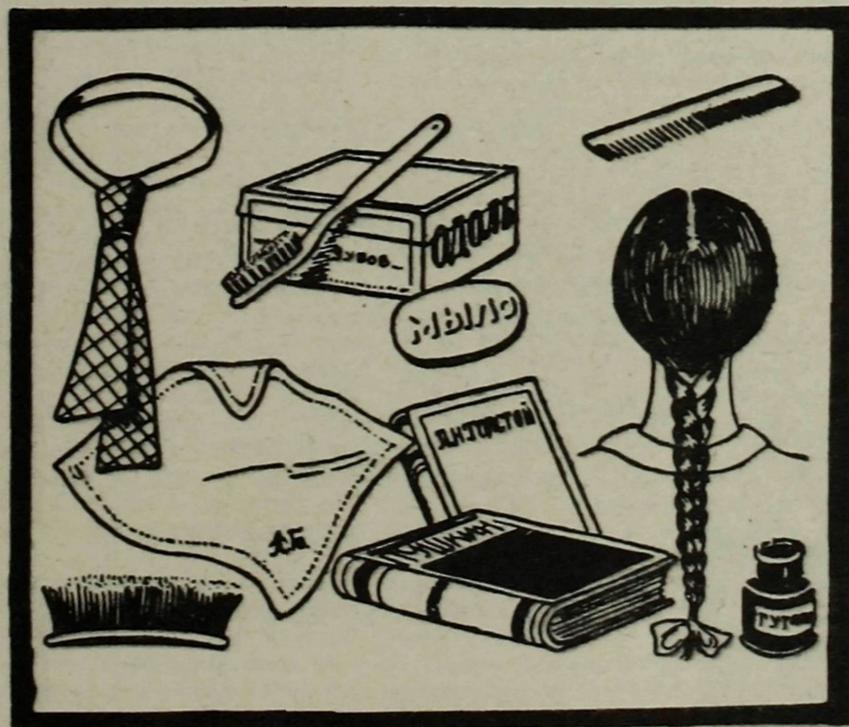
— Образование?

Учился в университете всего три дня, тем не менее гордо заявил:

— Незаконченное высшее.

Незаконченное высшее не помогло. А посему меня взяли на учет не как журналиста, а как... чернорабочего.

— Наведывайтесь, будет тре-

Вещи, которые приводят комсомольцев к «мещанству».

Новости науки и техники.

«Комсомольская правда», 1926 г.

► бование — дадим наряд, пошлем.

Наведываюсь дважды на день, требований нет. Двадцать рублей, привязанные под штаниной на черный день, кончились. Положение критическое. Наконец радость: получаю наряд на работу в клуб «Красный Октябрь». Еду к месту назначения за неимением меди на трамвайной «колбасе». Влетаю в клуб, а директор широко разводит руками. Клуб требовал чернорабочего, а биржа труда прислала мальчика в сандалиях и тубетейке. Ну, как погоняешь такого на крышу с лопатой счищать снег? Директору жалко мальчишку, и он на всякий случай спрашивает:

— На рояле играешь?

— «Светит месяц», вальс «Амурские волны».

Играл я плохо, по слуху, но добрая душа директор не стал требовать свидетельства об окончании консерватории и зачислил будущего сотрудника «Комсомольской правды» в штат клуба тапером третьей руки. И тапер добросовестно играл вальс «Амурские волны» под немой кинофильм «Индийская гробница», шесть серий в один вечер.

В тех местах картины, где магараджа вел себя как деспот и эксплуататор, зал дружно кричал таперу:

— Давай «Варшавянку», «Конную Буденного»!

И я «давал», не жалел сил. В такие моменты к роялю подходил завклубом и говорил таперу на ухо:

— Играешь невпопад, но политически правильно!

Я и сам понимал, что политически правильно. Отыграв «Варшавянку» и «Конную Буденного», я, как и мои сверстники, сидящие в кинозале, чувствовал себя легче. У нас было такое ощущение, словно мы выполнили свой долг перед народами мира: магараджа предупрежден и пусть за последствия отвечает сам.

20 мая 1925 года тапер

третьей руки, получив расчет в клубе «Красный Октябрь» на Солянке, 12, отправился в Ваганьковский переулочек, дом 5. Здесь начинала свою жизнь «Комсомольская правда».

С чего начал свою работу молодой журналист во всесоюзной газете? Бегал по клубам, заводам, учреждениям, писал пятистрочные хроникальные заметки. Такие, какие пишутся и теперь. Хотя нет, не только такие, но и в духе того давно прошедшего времени. И хотя автор писал тогда, сорок лет назад, свои заметки с серьезными намерениями, некоторые из них выглядят сейчас весьма курьезно. Вот, для примера, такая заметка:

РАБОТАЕМ, ИЩЕМ, СПОРИМ

«В субботу в фельдшерско-акушерском техникуме состоялся диспут на животрепещущую молодежную тему: «Может ли комсомолка красить помадой губы, пудрить пудрой лицо?»

В диспуте приняли участие старые большевики: т.т. Землячка, Смилович и поэт Безыменский, балерина Гельцер и артистка Татьяна Бах. После диспута состоялось голосование: 273 человека, в том числе старые большевики и поэт Безыменский, высказались против помады и пудры, 7 человек, в том числе балерина Гельцер, — за. Остальные, в том числе артистка Татьяна Бах, скрыли свое мнение, воздержавшись от голосования.

И хотя подавляющее большинство студентов, присутствовавших на диспуте, проявило при голосовании сознательность, райкому комсомола следует добиться того, чтобы ни одна девушка Баумановского района ни теперь, ни в будущем не размалевывала своего пролетарского лица тлетворной буржуазной косметикой».

В течение первых лет работы журналист-комсомолец осваивал нелегкое искусство сочинения пятистрочных заметок комсомольской хроники. От пятистрочных заметок он в свое время перешел к десятистрочным. После заметок он стал писать корреспонденции. Все шло как будто бы нормально. Но вот когда наступила пора перейти от корреспонденции к

более сложным газетным жанрам, молодой журналист вместо того, чтобы испробовать свои силы в очерке, почему-то вернулся к хронике и напечатал нижеследующую пятистрочную заметку:

«Чтобы быстрее закончить строительство первого тракторного завода на Волге, ЦК ВЛКСМ вынес вчера решение послать в Сталинград в качестве строителей 7 000 комсомольцев».

А через месяц после опубликования этой заметки ее автор сам отправился с одной из первых партий семитысячников к берегам Волги. Все было в духе того далекого романтического времени. Молодой журналист хотел увидеть, как выглядит новая жизнь вблизи, посмотреть на нее своими глазами, пощупать своими руками.

«Наш сталинградский корреспондент» не только сообщал в статьях и заметках, как строится первенец пятилетки, но и сам вместе с другими комсомольцами укладывал кирпичи в стены этого первенца.

Но вот завод пущен, первый трактор сходит с конвейера. Бригада, в которой работает «наш сталинградский корреспондент», изъявляет желание отправиться на Урал, на новую стройку. «Комсомольская правда» печатает письмо с Волги под выразительным заголовком: «Сталинградский тракторный подает руку горе Магнитной».

Молодые добровольцы начинают готовиться в дорогу, хотя толком и не знают, где находится гора Магнитная. В 1930 году город Магнитогорск еще не был обозначен на картах СССР.

Собираем чемоданы, сундучки, идем на вокзал, стучим в окошечко кассиру:

— Дайте сто билетов до Магнитогорска.

И вот в «Комсомольской правде» начали печататься статьи и корреспонденции от «нашего магнитогорского корреспондента».

Строительная тема делается с этого времени основной в работе молодого журналиста на все годы первых пятилеток.

А потом на смену корреспонденции и очерку приходит фельетон. Начинается увлечение жанром газетной сатиры. На смену строительным вопросам приходят вопросы поведения людей: этики, морали, нравственности. Кстати, эти вопросы остаются ведущими в работе бывшего магнитогорского корреспондента до сих пор.

В нынешнем году бывшему магнитогорскому корреспонденту исполнилось шестьдесят. Для комсомольца возраст, конечно, малопрятный. И хотя владелец малопрятного возраста, заполняя анкету, до сих пор вынужден в графе «Образование» писать «незаконченное высшее», шестидесятилетний комсомолец считает свою жизнь удавшейся и благодарит судьбу за то, что комсомол дал ему профессию и послал для журналистской учебы в такую замечательную школу, как «Комсомольская правда». Еще бы, в этой школе одновременно с ним, мальчишкой-комсомольцем, печатались и работали такие прекрасные литераторы и журналисты, как В. Маяковский, И. Уткин, А. Гайдар, В. Кин, Я. Ильин, С. Диковский, С. Крушинский, М. Розенфельд, Ю. Жуков, О. Зив, Е. Кононенко, Е. Воробьев, Е. Кригер, Л. Ломакин... И озорно, весело рисовали комсомольские художники А. Аввакумов, Б. Прокопов, Л. Соколов, И. Семенов...

Я поворю о журналистах первого поколения. А после первого было и второе и третье. В свое время будет, конечно, и седьмое и восьмое.

Но кто бы из ребят 1970—1980 годов ни пришел в будущем на смену тем, из первого поколения, я знаю — все они с гордостью скажут: «Мы из школы Ленинского комсомола!»

ЦЕЛЬ ОДНА

Цель одна: чтоб вдвое, втрое,
Вчетверо снабжать войска,
Каждый должен стать героем,
Соревнуйся у станка.

Углекоп, кузнец и летчик,
Мастер нефти, чугуна,
Машинист, танкист, наводчик —
Бей по цели! Цель одна.

С. РОЗАНОВ

Рисунок В. БРИСКИНА

«Комсомольская правда», 1942 г.

— Получите газету! Кто из вас комсомолец-то?
— Все...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА,
комсомольцев с 1944 года.

ОСЕННИЙ БАЛ

— Нужно побывать на комсомольском вечере в сельском клубе, поглядеть и рассказать, как отдыхает и веселится молодежь,— сказал Крокодил.

— Ясно: побывать, поглядеть и рассказать.

— Только, пожалуйста, не пишите, что в антракте телятница Нюра, исполнявшая роль Анны Карениной, не выдержала и сбежала проводить своих подшефных телят. И еще прошу: не сочиняйте про деда Трофима, который, глядя на танцующих ребят, крякнул и пошел отплясывать трепака. Не выдумывайте, иначе вас ждут неприятности.

Я понимающе кивнул, что на языке радистов означает «Вас понял!» и пошел записывать в портфель бритвенный прибор и полотенце.

Субботний утренний поезд умчал меня в город Калинин, а оттуда автобус подвез в Медное, где вечером в сельском Доме культуры, как некогда писали, «имел быть» осенний молодежный бал.

Все знают, как собиралась на бал Наташа Ростова. Это не только описано Толстым, но и подробно показано в кинофильме «Война и мир». И никто не знает, как собиралась на бал Лариса Веселова. А ведь она волновалась ничуть не меньше. И хотя Наташа Ростова была дочерью каких-то там графов, а Лариса — доярки и рабочего совхоза, еще неизвестно, кто из них выглядел привлекательней. И, кроме того, Лариса в свои семнадцать лет уже была вожаком школьного комсомола, что Наташе Ростовской даже не снилось.

Когда Лариса перешагнула порог Дома культуры, она сразу очутилась на балу. Бал начинался уже в фойе, где четыре колонны были разукрашены гирляндами багряных осенних листьев, на стенах висели портреты знатных людей и лозунги, а в углу были выставлены образцы гигантских кочанов капусты,

великолепных кабачков и моркови, выращенных в совхозе. А сами комсомольцы, разрядившиеся такими франтами, в белых сорочках, при галстуках, и девушки, в модных платьях и туфельках, в прическах на разный манер, уже кружились в вихре вальса. И среди гостей, конечно, были один очень симпатичный сержант и два бравых морячка с полосатыми воротниками при якорях.

Церковь, давно покинутая прихожанами и ставшая очагом культуры, была переполнена веселым шумом, гомоном и звуками музыки... Самодеятельный джаз — пять боевых единиц — старался на совесть.

Но танцы танцами, а впереди — концерт. И молодые таланты уже готовы блеснуть своим искусством.

Поначалу все, не прерывая танца, исполнили песню «Лада». И как только закончился этот вокально-танцевальный номер, перешли к «Осенней викторине».

Тут же еще раз было подтверждено, что:

«Уж небо осенью дышало...» написал Пушкин, а «Поздняя осень, грачи улетели...» — Некрасов. Были уличены также в написании осенних стихов Лермонтов, Тютчев и Фет.

Поскольку бал был осенний, репертуар отличался тематической направленностью.

Валентин Кузьмин спел «Осенний свет», а Надя Ракитина исполнила песню «Осень». Пела она в микрофон, как и положено во второй половине двадцатого века, хотя слушатели стояли в двух шагах и вместе с ней вслушивались в «рыжую грусть листьев».

Но эта грусть ничуть не омрачила настроения и завершилась такой «лет-

кой-енкой», что пол дрожал от удивления.

И снова задача. На сей раз не литературная, а скороговорная. Выяснилось, что какие-то бракоделы сшили колпак не по-колпаковски. Все наперебой заявили, что его требуется немедленно переколпаковать, да еще и перевыколпаковать. И настаивали на этом так рьяно, что чуть не сломали языки.

Затем выступала сама Галя Смирнова — лучшее сопрано местного микрорайона. «Море молодости» и «Листья летят» прозвучали отлично и вызвали бурное одобрение участников бала.

А между прочим, на балу у Наташи Ростовской ничего похожего не исполняли. И можно только удивляться, как она не умерла от скуки. Хорошо еще, что Наташа успела влюбиться в Андрея Болконского, а то был бы просто какой-то безыдейный, потерянный вечер.

Нет, на осеннем балу медновских комсомольцев скучать было некогда. Мы уже не говорим о том, что, может быть, тоже кто-то в кого-то влюбился, но это уж их личное дело.

А пока что выступала с большим успехом Зина Камардинова, прочитавшая отрывок из стихотворения Твардовского «Ленин и печник».

А после нового круга танцев была киновикторина, во время которой выяснилось, что и приз неизвестно кому присудить — насчет кино все оказались крупнейшими специалистами: все всё знали. Но самый главный конкурс был впереди. Буйный перепляс. Выходи на круг кто хочешь, покажи свою удаль.

И показали. Поначалу «русскую»... Потом «цыганочку». А в заключение будто пахнуло солеными брызгами Черного моря и одновременно Балтийского. И даже почудились крики чаек.

А на самом деле ничего этого не было. Это морячки откалывали «яблочко» под бурные рукоплескания зрителей.

Стрелки часов приближались к полуночи. А бал был в разгаре. И снова гремела музыка. И пары кружились в вальсе.

На душе у них было весело. Все они, работающие в совхозе и на маленьких предприятиях промкомбината, учащиеся школы и музыкального училища, молодые зоотехники и учительницы, механизаторы и медсестры, умеют и трудиться и отдыхать с открытой душой, зная, что впереди большая, интересная жизнь, полная трудов и забот, радостей и веселья.

И музыка не умолкала... Между прочим, Крокодил был прав: никто не убежал в антракте в телятник, чтобы проверить, не захворал ли какой-нибудь теленок корью и не ссорятся ли они друг с другом.

А вот насчет деда Крокодил предупреждал зря. Дед был. Не сойти мне с этого места — был дед! И как только раздались звуки джаза, он крякнул и пошел и пошел...

И казалось ему, что сорок лет как ветром сдуло, что он снова молод и веселится в кругу друзей комсомольцев. И звучит песня:

Ай да ребята,
Ай да комсомольцы,
Браво!
Браво!
Браво, молодцы!

Вы спросите: откуда известно, что казалось этому деду? А это уж не сомневается. Это уж точно.

Дед был я.

Специальный корреспондент
Крокодила

Бор. ЮДИН,
комсомолец с 1924 года.

Медное, Калининской обл.

Шаман Кулдыкя прибыл на такси. Обрадованные старики нанайцы преклонили головы.

— О великий шаман Кулдыкя! — заговорил один из них. — В твоих руках...

Но тут великий Кулдыкя остановил оратора властным движением руки. Он не любил славословия. Он сказал, что сперва надо расплатиться за машину.

Когда такси укатило, шаман жестом приказал молчать и принялся обозревать местность. Местность была что надо. Разлившийся Амур, голубые сопки вдаль, покрытый лесом утес. Тайга на высоком берегу расступалась, давая место крохотной рыбацкой деревушке. Рядом с невзрачными домиками чужеродно громоздились ящики. В ящиках был строительный инструмент. Что замыслили дерзкие люди? Они замыслили город там, где никогда не было города.

Добрый престарелый нанайцев пугала неизвестность. Они привыкли к тишине и уединенности. Зачем им город с его трубами, высокими зданиями и асфальтом? Они отыскивали в тайге последнего шамана и доставили его сюда для заклинаний.

Великий шаман Кулдыкя заклинал много и горячо. По окончании он заявил, что город строиться не будет. После этого началась неофициальная часть.

Великий шаман Кулдыкя не обманул: стройку временно законсервировали. Злые языки поговаривают, что лукавый шаман знал об этом заранее.

Заклинания действовали в течение полутора лет. А потом чары рассеялись. Вновь повалили люди, техника, инструмент...

На сей раз Кулдыкя прибыл инкогнито. Он огляделся и тихо промолвил, что с такой силищей не справиться даже ему. Шаман, как видите, оказался трезвым реалистом.

Для нанайских рыбаков построили неподалеку новый поселок. И до сих пор старики благодарят судьбу и великого Кулдыкя.

А в столетней тайге прорубили между тем первую просеку. Затем выбрали кедр потолще и приколотили табличку: «Прспект Мира».

С тех пор, видимо, и укоренилось в амурчанах некоторое пренебрежение к улицам. В нынешнем городе все больше проспектов. И по названию и по сути.

Первым делом соорудили столовую, баню и танцплощадку. Надо ли после этого указывать средний возраст строителей?

Очень хотелось назвать город Комсомольском. Это было бы так справедливо! Однако предложение не прошло, так как один Комсомольск-на-Амуре уже был. И располагался он сорока километрами ниже. Решили, что если будет два Комсомольска-на-Амуре, то это создаст известные трудности для почтовых работников. Город назвали Амурском.

Как-то уж так получается, что новые города манят молодых. Но не только их. Ожила, заиграла кровь и у старожилов Комсомольска. У тех самых, кто четверть века назад строил свой город.

Первым не выдержал Федор Семенович Маринин. Явился однажды к начальству и попросил отпустить его. Начо всем.

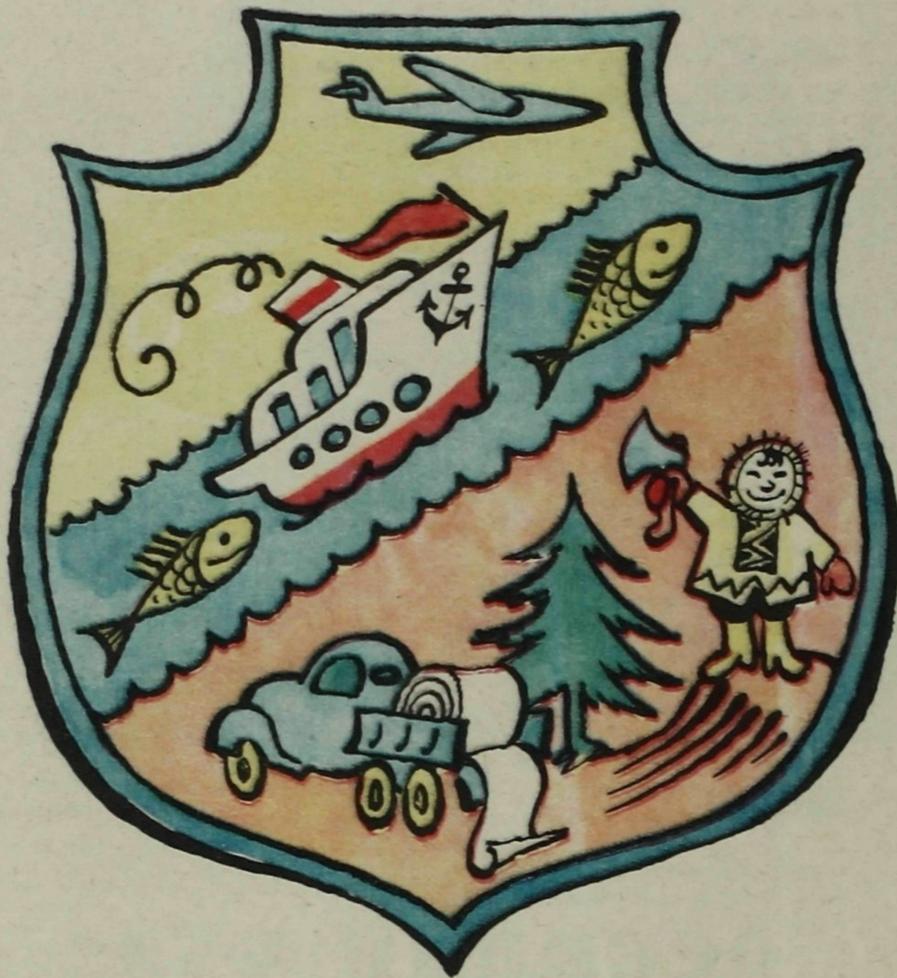
— Не могу, — говорит. — Там город начинают, а я здесь.

— Вам что, одного Комсомольска мало?

— Да, маловато, — признался Федор Семенович. — Я с детства на города жадный.

Начальство урезонивало, начальство перечисляло блага. Тут, дескать, и высокооплачиваемая работа и квартира со всеми удобствами. А там что? Горячей воды нет, холодной во-

Город, которому 10 лет

ды нет (разве что из Амура), канализация отсутствует полностью. А вы человек уже немолодой. Но махнул немолодой человек на канализацию и укатил с семьей жить в палатку.

Полубогом был в тридцатых годах на строительстве Комсомольска Иван Тимофеевич Круглов. Город строился на лошадях, а Иван Тимофеевич гнул дуги. Красивые дуги повышенной прочности. Лелеяли его как специалиста первостепенной важности. И даже наградили ценнейшим по тем небогатым временам призом: патефоном с пластинками.

Из Комсомольска в Амурск Иван Тимофеевич приехал с сыновьями. В дороге сомневался: а понадобится ли он со своим древним плотницким умением? Нынче ведь все бульдозеры да экскаваторы. Сотни лошадиных сил, а дуги ни одной.

Дуги не потребовались, а вот плотники нужны были позарез. Ими делали всех, кто хоть когда-либо рубил дрова. И вновь стал Иван Тимофеевич незаменимым человеком.

Город, как водится, начинался с общежитий. Потом общежития стали расформировываться. Было десять, осталось четыре. Остальные переоборудованы под квартиры для молодых людей. А что делать, коли средний возраст амурчан 22 года?

Со средним возрастом, между прочим, стали происходить с некоторых пор странные вещи. Он вдруг начал уменьшаться. Казалось, все должно быть наоборот: город взрослеет, жители — тоже, а стало быть, повышается и их средний возраст. Так и было до тех пор, пока не появился Саша Бортников, и полетели в тартарары все логические законы. Саша Бортников, посасывая пустышку, грубо по-

пирал их. По известным причинам он еще не ведал тогда, что был первым коренным амурчанином. С его появлением средний возраст жителей города чуть заметно уменьшился. Затем это стало происходить со все возрастающей частотой.

Поколение Саши Бортникова не слишком ощущает, что оно появилось на свет в недавней тайге. Поколение умеет зажигать газ, привычно плещется в ваннах и смело критикует центральное телевидение за недостаточный идейно-художественный уровень передач. Дети тайги!..

Сегодня городу Амурску десять лет. Но у этого города большая история. С периодами, эрами, поворотными пунктами.

Когда-то шаман Кулдыкя возвестил начало новой эры. А уже 13 декабря 1959 года была торжественно разбрана последняя палатка. Начинаясь каменный век. Закладывали один из крупнейших в мире целлюлозных комбинатов. Стройка была объявлена Всесоюзной комсомольской.

Первую очередь пускали в августе 66-го. Август был жарким. Спали по два часа в сутки. Слово «целлюлоза» сделалось самым популярным. Его выговаривали даже годовалые младенцы.

И вот в один прекрасный полдень появилась первая целлюлоза. Она появилась обильно и решительно, как бы зная о своем великом будущем. Уже через несколько месяцев она отправилась в большой мир — Венгрию и Японию, Чехословакию и Кубу, Индию, ГДР, Австрию, Болгарию... Город жил, опередив неповоротливых картографов, которые еще не успели нанести его на карты.

До сих пор слышат амурчане по ночам удивленный рев изюбров. В самом деле, это странно даже для

человека: в недавней тайге — отдел культуры исполкома, райсобес, паспортный стол... Но амурчан удивляло совсем другое. На пятом году существования города, когда на проспектах нет-нет да и собирали еще подберезовики, граждане возмутились. Почему, дескать, в их городе все еще нет музыкальной школы?

Под музыкальную школу отвели первый в Амурске каменный дом. Разве не символично? Раньше первый камень города ложился в крепостную стену. Теперь начинают с музыкальной школы.

С самого начала население Амурска проявляло тягу к образованию. Был назначен директор техникума — Валентина Николаевна Громова. Первоначально Валентина Николаевна навещала руководящих товарищей и вежливо осведомлялась у них, директором чего, собственно, она изволит быть.

— Как чего? — отвечали ей. — Техникума.

— Какого техникума?

— Целлюлозного.

— Так покажите мне его!

Выполнить просьбу затруднялись, ибо техникума не было. Не было ни здания, ни преподавателей, ни сметы, ни учебных пособий. Был только директор. И еще было население, которому в среднем 22 года и которое жаждало образования. Первого сентября надо было начинать занятия. Первого сентября занятия начались. Ныне на амурском целлюлозном комбинате работают выпускники амурского целлюлозного техникума.

А населению, которому в среднем 22 года, все мало. Им, видите ли, мало Амура, и они вздумали строить плавательный бассейн. А заодно и Дворец спорта. Они говорят об институте, о девятиэтажных домах-башнях, о широкоформатном кинотеатре, о завтрашнем комсомольско-молодежном городе на 150 тысяч человек. Заметьте, они не мечтают об этом. Они прозаично обсуждают конкретные проекты.

Однажды в Амурск приехал Саня Реутов. С кислым видом обошел город и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Это не город.

— Почему? — спросили у Сани.

— А потому, — сказал Саня, — что у вас нет музея. А какой это город без музея?

— Ну вот возьми и организуй музей, — обиделись амурчане.

— Пожалуйста, — пожал плечами Саня и пошел организовывать.

Он фотографировал, делал скульптурные портреты, писал жанровые картины, оформлял стенды, ездил по окрестным селам. И все это, разумеется, в свободное от работы время. Собрано шестьсот с лишним экспонатов. Заканчивается отделка здания для музея. Городу Амурску 10 лет, но у него большая история. Саня Реутов подтвердит вам это.

В позапрошлом году амурчане отправили письмо, которое будет идти до адреса тридцать с лишним лет. Товарищи из Министерства связи, не волнуйтесь: вы здесь ни при чем. Письмо адресовано в XXI век. «Друзья! Мы предлагаем в 2000 году, 22 апреля, в день рождения В. И. Ленина, встретиться с вами на митинге в этом самом месте...»

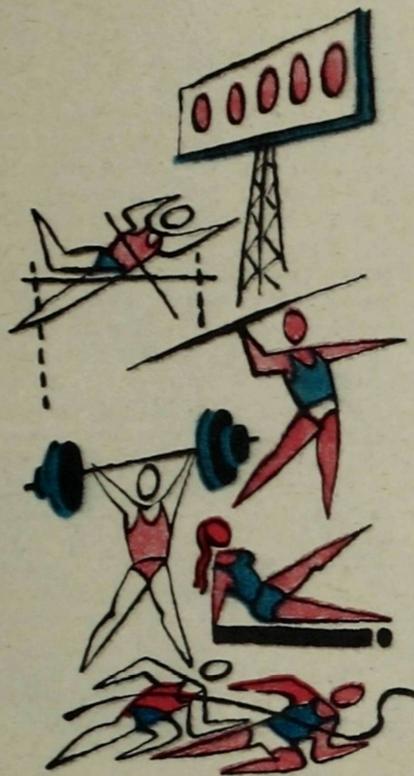
Капсулу с письмом замуровали в стену нового Дворца культуры. Была избрана делегация для встречи с молодежью Амурска в 2000 году. В нее вошел и первый коренной амурчанин Саша Бортников.

В 2000 году ему не будет и сорока...

Специальный корреспондент
Крокодила
Р. КИРЕЕВ,
комсомолец с 1957 года.

г. Амурск,
Хабаровского края.

ЭСТАФЕТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В конце лета 1928 года, когда ставшие позже прославленными динамовцами Мария Исамова и Александр Пугачевский, Галина Урбанович и Николай Каракулов еще носили пионерские галстуки, Алексей Хомич был октябреньком, а теперешний футбольный ветеран Лев Яшин не успел появиться на свет, в Москве проходила 1-я Всесоюзная спартакиада. Семь тысяч участников! Шестьсот зарубежных гостей! Огромная спортивная программа! Москвичи все разом, без различия пола и возраста, увлеклись спортом.

И млад и стар рвались на то, чтобы оторваться на стадион «Динамо», где проходили главные соревнования. По тем временам новый стадион казался грандиозным спортивным сооружением, хотя имел лишь три расположенных подновою трибуны и вмещал 25 тысяч зрителей. В строительстве его была вложена большая доля комсомольского труда. Сотни комсомольцев работали здесь землекопами, бетонщиками, сварщиками, плотниками. Целыми отрядами приходила сюда комсомольца на субботники.

С еще пахнущих краской скамеек москвичи жадно следили за спортивной борьбой на спартакиаде 1928 года. Соревнования в легкой атлетике приносили одну сенсацию за другой:

— Решетников метнул копьё на 61 метр 77 сантиметров...

— Шаманова пробежала стометровку за 12 целых и 6 десятых секунды...

— Дьячков преодолел планку на высоте 1 метр 75 сантиметров...

Эти результаты, вызывавшие тогда бурю оваций, сегодня доступны очень многим рядовым советским спортсменам. Соответствующие же наши рекорды составляют теперь —

90 метров 98 сантиметров,

11,2 секунды,

2 метра 28 сантиметров.

Но ведь техника, выучка сегодняшних рекордсменов уходят корнями в мастерство их далеких предшественников. Оно передавалось от поколения к поколению советских физкультурников, постепенно нарастая и совершенствуясь. Мастерство — это еще и эстафета!

Комсомолка Римма Жукова, прежде чем стать чемпионкой мира в беге на коньках, многому научилась у трижды чемпионки Исаковой, в прошлом тоже

комсомолки. Комсомолец Лева Яшин учился вратарской технике у Хомича, прозванного англичанами тигром (бывшего октябренька, пионера и комсомольца). А комсомольцы наших дней учатся у Жуковой как тренера и у Яшина как спортсмена.

Та далекая 1-я Всесоюзная спартакиада дала толчок к борьбе советского спорта за достижения международного класса. Хорошо помню выступления в Москве в 1934 году бегунов с мировой известностью — француза Жюля Лядумега и финна Эйно Пурье. Лядумегу удалось победить наших ребят, а вот финну пришлось туго, когда вместе с ним на динамовскую дорожку вышли братья Знаменские. В беге на 2000 метров оба брата перед последним поворотом обошли Пурье. Первым финишировал Серафим, показав всеобщий рекорд — 5 минут 31,8 секунды. Какая буря бушевала на трибунах! А теперь мы можем радоваться тому, что результаты и получше, чем у Знаменского, показывают полтора наших легкоатлетов.

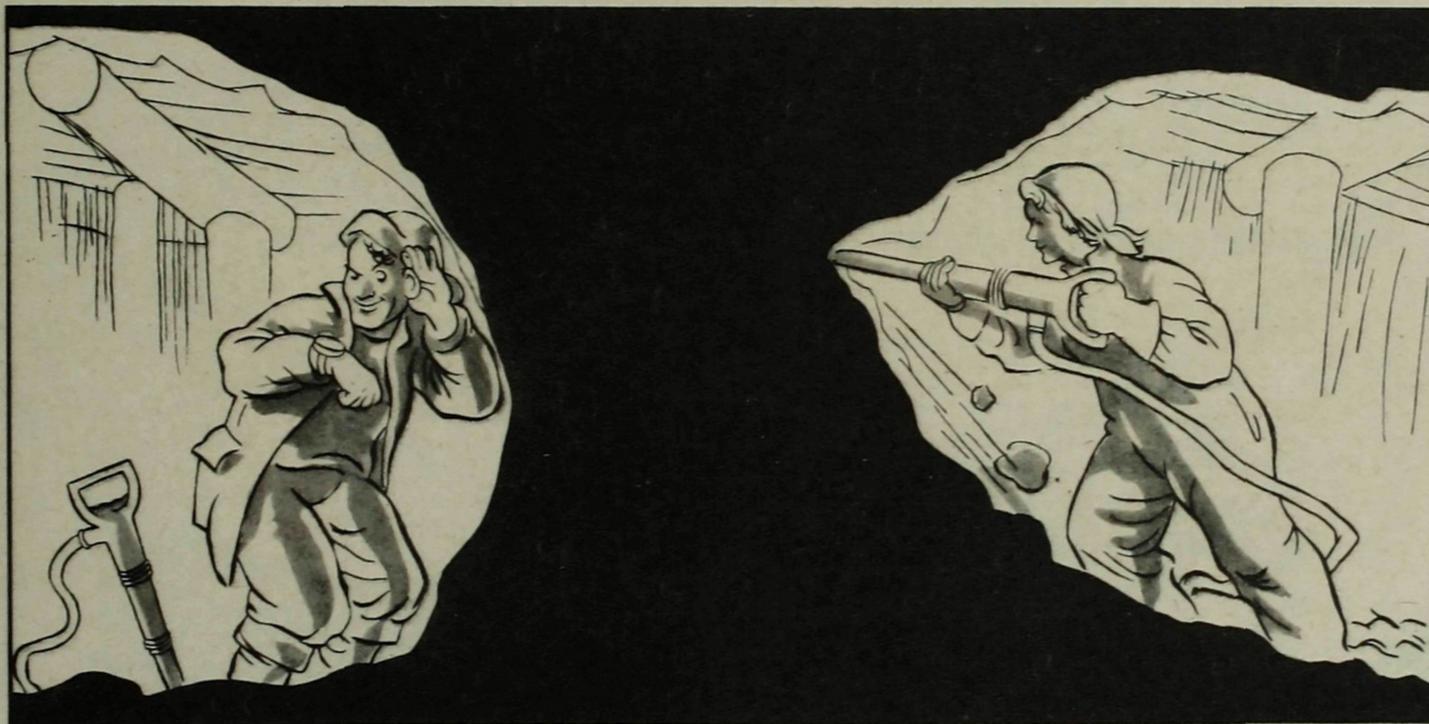
Не знаю, как закончилась спортивная карьера Пурье, а у Лядумега закончилась она печально. Последний раз его имя промелькнуло в газетах, сообщавших, что некогда знаменитый спринтер вынужден выступать в цирках, на потеху публике состязаясь в беге с... лошадьми. Это было давно, ныне Лядумег забыт. Имена же комсомольцев братьев Знаменских продолжают сиять в истории советского спорта, зовя наших легкоатлетов к новым достижениям. Эстафету, начатую Серафимом и Георгием, подхватывают новые молодые бегуны.

Эстафету, начатую в двадцатых годах комсомольцами — строителями стадиона «Динамо», в годах пятидесятых подхватила молодежь, которая возводила в Лужниках стадион имени В. И. Ленина. А сколько их сейчас возводит комсомол!

Комсомольская эстафета в нашем физкультурном движении продолжается...

И пусть сами читатели прикинут, какие спортивные рекорды и какие стадионы будут у нас к 100-летию всегда юного комсомола!

Виктор БУРОВ,
зам. председателя Российского республиканского
совета спортивного общества «Динамо»,
комсомолец с 1927 года.

Девушка спешит на свидание.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО,

«Крокодил», 1939 г.

ДРУЖБА ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТΙΑ

На многих фронтах, военных и мирных, побывал я по путевкам партии и комсомола. Во время гражданской войны довелось выполнять важное задание в тылу у Деникина, усмирять кулацкие восстания, бороться с бандитизмом, однажды вел переговоры и с безымянным «батькой» Махно... В свои двадцать с небольшим лет стал членом Харьковского губисполкома. Потом — партийная и комсомольская работа.

В 1925 году впервые выехал за границу, в Германию. Гитлер тогда еще не выбрался из мюнхенских пивных. В стране назревал новый революционный подъем. Мне предстояло передать германским рабочим красное знамя — подарок харьковской молодежи. Торжественное вручение знамени состоялось в Дрездене. Помню восторженные лица и крепкие рукопожатия окруживших меня немецких товарищей, их клятвы хранить верность пролетарскому интернационализму, всегда быть в дружбе с Советским Союзом.

Потом наступили черные времена: в Германии утвердилась фашистская диктатура. Не раз я думал о знамени, которое отвозил в Дрезден. Сохранилось ли оно? Вряд ли...

Но вот года три назад узнаю, что в руки работников Берлинского исторического музея попало старое красное знамя с надписями на украинском и немецком языках. Берлинцы просили своих советских коллег помочь им установить родословную этой реликвии.

Неужели нашлось то самое знамя? Еду в ГДР. Бросив взгляд на бережно развернутое передо мной полотнище, сразу же убеждаюсь, что именно этот стяг вручал я немецким рабочим более четырех десятилетий назад.

После Берлина побывал и в Дрездене. Там отыскался один из товарищей, принимавших у меня знамя. Давно поседевший, как и я, много испытавший, но бодрый, радостно-взволнованный.

— Как же знамя сохранилось? — спрашиваю его. — Ведь Гитлер, гестапо...

— О, наша дружба сильнее Гитлера и гестапо! — слышу в ответ.

Оказалось, что немецкие коммунисты и комсомольцы долгие годы хранили красное знамя в надежных тайниках.

— А потом наступило время, когда и эти тайники перестали быть надежными, — говорит мой собеседник. — И тогда... Угадай, куда мы его спрятали?

Даю волю фантазии, но догадаться не могу.

— Нет, нет, совсем в другом месте! — смеется пожилой немец. — Мы спрятали знамя на чердаке дома, в котором жил крупный фашистский чиновник... Как раз над его квартирой!

Пришлось от души рассмеяться и мне... В дни бомбежек Дрездена дом, где в последний раз было спрятано знамя, рухнул, превратился в груды развалин. И только спустя еще несколько лет его обнаружили при разборке руин и передали в музей.

Но важно, что сохранилось не только знамя — сохранилась, пройдя через десятилетия, и наша дружба с немецкими трудящимися. Я снова видел вокруг добрые улыбки, теплые взгляды, ощущал силу рукопожатий дрезденцев.

Наша интернациональная дружба со всеми, кто строит социализм, останется крепкой.

Иван ЖОЛДАК,
доцент Московского института иностранных языков,
комсомолец с 1918 года.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА, комсомольца с 1941 г.

В эти дни Мехико — значит спорт, а знаменитое мексиканское сомбреро невольно ассоциируется с овалом олимпийского стадиона, где четыреста наших девушек и юношей отстаивают спортивную честь Страны Советов. И более половины наших олимпийских делегатов — комсомольцы.

Это очень высокий пост — быть комсомольским вожаком самой высокой команды мира. Но именно такова советская баскетбольная дружина, чей средний рост никак уж не назовешь средним — 198,5 сантиметра. Конечно, на фоне этих геркулесов сам комсорг Модестас Паулаускас может показаться несколько мелковатым: ведь ему не хватает до двух метров целых шести сантиметров! Но товарищи знают, что, кроме блестящих спортивных достоинств, Модестас, как член ЦК ЛКСМ Литвы, обладает бесценным опытом комсомольской работы. А это небезполезно на тернистом пути к высшим олимпийским наградам.

Ну, и, наконец, Модестас — просто обаятельный, веселый, неунывающий юноша, истинный рыцарь. Наверное, именно поэтому так охотно забрасывает Надежда Чижова шар в его корзину. Правда, шарик этот во много крат тяжелее баскетбольного мяча, ибо отлит из цельного чугуна. Да и дальность броска у Надежды — 18,5 метра — считается солидной даже по баскетбольным масштабам.

Когда восхищаются скоростью, говорят: «Летит, как ядро». Но, наверное, даже ядро не догонит нашего реактивного гонщика Омари Пхакадзе, несущегося по треку в два раза быстрее самого Владислава Сапея. Ну, а как умеет бегать гомельский комсомолец Сапея, объяснять, наверное, не надо. Стометровка за десять секунд — такой результат ни в каких комментариях, кроме жарких аплодисментов, не нуждается.

Впрочем, единственное, что может помешать Славе показать выдающийся результат, — это близкое соседство с задорной девятнадцатилетней ленинградской Наташей Кучинской. Когда она выступает на брусках, на бревне или, как на этом рисунке, на плаще очарованного ее искусством матадора, от нее нельзя оторвать глаз. Разве только молодые супруги гимнасты Воронины слишком заняты своими спортивными планами и друг другом, чтобы обращать внимание на окружающих. И даже на то, что гостеприимные хозяева вместо обычного «коня» предоставили для тренировок экзотичного быка — торо.

Но сам торо настороже. Нет-нет да и глянет с опаской в сторону, где опробывают свое разящее оружие саблист Владимир Назлымов и комсорг команды фехтовальщиков рапирист Виктор Путятин. Они дружески беседуют с шлакистом-аборигеном. Их дружеский профессиональный разговор наверняка по-

лезнее, чем жестокий, хотя смелее в бой!».

Ретивый фотограф явно не командой легкоатлетов Александра Комрачева, а командой легкоатлетов Александра Комрачева. Конечно, такому забавному сантиметрам дальше мирового тироваться.

Верный принципу спортивной предельности стадиона-сомбреро дата химических наук Елену Куренцову, но опытную пловчиху олимпийщицу, смело и вдобавок Бакуланову, неутомимого пловца Семена Белицкого, офицера Виктора Куренцова. Конечно, такому силачу, системный ацтекский тотем. Но тактичного, обаятельного парня бит своей могучей силой.

Да и не только Куренцов! В ке, по-настоящему благородный. Одним словом, комсомольцы.

КОМСОМОЛУ — ПЯТЬДЕСЯТ!

Комсомолу пятьдесят!
Надо же такое...
В этом возрасте хотят
Тишины, покоя.
Неба хоть и не копят,
Но какой-то сонный
Этот возраст — пятьдесят:
Он предпенсионный.
Тянет к чайничку, за стол,
На терраску дачи...

Нет!
Товарищ Комсомол —
Он живет иначе!

Годовалым он скакал
Впереди отрядов,
По-буденновски рубал
Шашкой белых гадов,
Закалялся, а не чах
В самом пекле сечи,
С ним Деникин и Колчак
Избегали встречи...

Годы шли, и Комсомол
Прямо из атаки
На четвертый год пошел
В вузы и рабфаки,

А к двенадцати годам
Промокал до нитки
Под дождями
Где-то там,
На лесах Магнитки.
Шел за углем, за рудой
И, бровей не хмуря,
Строил город молодой
На реке Амуре...

В двадцать три
И в двадцать семь —
Яростен, неистов —
Он, пример являя всем,
Истреблял фашистов.
Как и прежде, шел в бою
Первым, не по следу,—
Защищал страну свою,
Добывал победу...

Вновь пришлось после войны
За работу браться:
Он на пашнях целины,
На плотине Братска.
В тридцать,
В сорок,
В пятьдесят —
В дату юбилея —

Комсомол
Трудиться рад,
Силы не жалея:
То летит быстрее, чем звук,
То ведет комбайны,
То — над книгами — наук

Постигает тайны,
То, не горбя сильных плеч,
Вновь на вахту встал он,
Где мареновская печь
Брызжется металлом,
То он, взяв теодолит,
Путь в тайгу направил,
И вослед ему глядит
Сам Корчагин Павел...

Чередой бегут года,
Опыт людям дарят,
Комсомольцев старят, да,
Комсомол не старят!
Все изведав — дождь, и снег,
И жару, и холод,—
Он и в сто
И в тыщу лет
Будет так же молод!

МЫ В КОМСОМОЛИИ ЖИВЕМ...

ПЕРВЫЙ РАСТВОР

По путевке ЦК комсомола летом 1943 года тысячи комсомольцев приехали возродить из руин Сталинград. Приехала и я.

За плечами у меня было семь классов средней школы и скромный стаж работы колхозным счетоводом. Меня вместе с группой девчат направили в бригаду каменщиков. Бригада строила жилой дом в Верхнем поселке Тракторного завода.

Бригадир, пожилой веселый татарин с очень трудным именем Муллагулды, сразу же деловито сказал:

— Меня начальство зовет. Начальство не любит ждать... Вы пока приготовьте раствор, скоро начнем кладку.

Мы почувствовали себя сиротами. Мастер ушел, а никто из нас и понятия не имел, как готовится раствор.

— Кажется, надо воды налить,— сказала Ольга Печерникова. Она приехала сюда из Борисоглебска, где окончила курсы женских парикмахеров, и жизнь, как говорится, знала больше нашего.

Воды так воды. В железную бадью, изрядно помятую осколком бомбы, мы вылили несколько ведер воды.

Рядом лежала куча песка. Мы решили, что это неспроста, и насыпали в бадью еще и песку.

— Нужен еще мелкий камень,— посоветовал кто-то.

— Это для чего?— с подозрением спросила Ольга.

— Для крепости.

Немного поспорив, нужна для раствора щебенка или нет, наконец решили, что хуже от такой добавки не будет. Потом на всякий случай в бадью насыпали известь, цемент — почти все, что было вокруг.

В это время возвратился бригадир. При виде месива в бадье он пошатнулся.

— Слушай, кого мне прислали? Мне детей прислали. Вы когда-нибудь раствор готовили?

— Нет,— хором отвечали мы.

— Как же думаете дома строить?

— Не знаем!

— Что же мне с вами делать?

— Учить,— дружно отвечали мы.

Муллагулды Нурмандинов оказался отличным педагогом. Уже через неделю мы умели заделывать выбоины в стенах, а через три месяца наша первая женская бригада каменщиков завоевала переходящее знамя обкома комсомола.

Н. ТЮЛЕНИНА,
старший инженер,
комсомолка с 1943 года.

РОКОВОЙ ЗВОНОК

Честное слово, я никого не собирался разыгрывать, тем более своего давнишнего друга Васю Сологубова. Вероятно, во всем виновата бессонная ночь.

Ранней весной 1947 года ехали мы на пленум обкома комсомола. Прибыли в Сталинград ночью и за отсутствием мест в гостинице явились в обком. Уселись в приемной и, чтобы скоротать время, всякие разговоры ведем.

Секретарь Ольховского райкома комсомола вдруг заявляет.

«Мы в комсомолу живем, стране веселой и богатой».— много лет назад писал поэт Александр Безыменский. Теперь стране комсомолу 50 лет. Возраст, безусловно, солидный. Некогда безусые юноши, неутомимые девчата стали строгими отцами и матерями, даже дедушками и бабушками. Но они с удовольствием оглядываются на прожитое в комсомоле. Они вспоминают не только героическое, но и забавное. Вот о забавном сталинградские комсомольцы сороковых годов рассказали нашему корреспонденту А. Шейнину, комсомольцу с 1930 года.

— Я,— говорит,— сегодня на пленуме разделаю Сологубова под орех.

Это меня задело за живое. С Васей Сологубовым, комсоргом ЦК ВЛКСМ на Тракторном заводе, я, можно сказать, не один пуд соли съел, парень что надо.

— За что?— спрашиваю.

— Болтун он. Обещал, что сталинградцы изготовят во внеурочное время запасные части к тракторам, а пока мы ших получили.

Очень обидно мне было такое услышать. Вроде бы на Васю не похоже. Может, впрочем, зазнался...

— Ладно,— говорю,— я ему сейчас испорчу свидения.

Берусь за телефонную трубку и прошу одного из ребят:

— Когда буду говорить, пошурши газетой рядом.

— Это зачем?

— Чтобы создавать междугородные телефонные помехи.

Набрал номер. Слышу, Вася спросонья говорит:

— Слушаю... Сологубов у телефона.

— Говорят из Москвы... М-м... Иванов.

— Ах, здравствуйте, товарищ Иванов!

— Извините, но я утром доложу, как вы выполняете свои обязательства по изготовлению запасных частей для тракторов ольховским комсомольцам.

Он стал кудачать, что, дескать, все в порядке, запчастей готовы, да по вине снабженцев их отправить не могут.

Я на него наседаю. Чувствую, что ему там жарко стало.

— Да,— говорит,— вспомнил. Снабженцы тут ни при чем. Я виноват. Целиком и полностью. Мое упущение.

Словом, поговорили очень сердечно, и повесил я трубку. Однако, думаю, хоть и напугал Васю, а предупредить его о шутке надо бы. Но так случилось, что я Сологубова до начала пленума не увидел.

Так он, знаете, что отчуждился? Сразу после окончания доклада полез на трибуну. И начал ораторствовать. О звонке из Москвы рассказал, и перед ольховцами извинился за задержку с ответом, и себя ругал на чем свет, а главное, доложил, что запасные части уже отправлены.

Ну что теперь станешь делать? Покаяться? Так он же меня убьет. А не рассказать — узнает, еще хуже будет.

В перерыве отзываю дружка в сторону.

— Слушай, Вася, с кем ты сегодня ночью разговаривал?

— Как с кем? С ЦК комсомола.

— Ты Иванова знаешь?

Он с подозрением посмотрел на меня. — Лично нет, но, кажется, там есть такой инструктор.

— Я это, Вася, я тебе звонил...

Ну, думаю, сейчас отругает. Но он вдруг обрадовался.

— Ты звонил? Вот здорово! Спасибо тебе!

— За что?

— А если бы действительно позвонили из ЦК? На весь бы Союз мог осрамиться. Ведь виноват. Замотался, вовремя не проверил... А теперь все в порядке.

К. БОГУЧАРСКИЙ,
начальник областного управления печати,
комсомолец с 1936 года.

ЧТО ТЫ РЖЕШЬ, МОЙ КОНЬ...

До выдвижения на комсомольскую работу я имела о лошадях довольно смутное представление. Разве что знала стихи Пушкина:

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил...

Увы, этого оказалось недостаточно, когда жизнь поставила передо мной поистине гамлетовский вопрос: ехать на лошади или не ехать?

Дело было до войны. Надо было мне побывать у комсомольцев одного колхоза. А до него от райцентра километров двадцать, да еще с гаком. По старой привычке решила отправиться пешком, но местные товарищи запротестовали:

— Мы тебе на консервном заводе лошадей доставем. Верхом вмиг доскачешь...

Мне бы честно сознаться: братцы, не амазонка я, лучше я на своих двоих. Но проклятая гордыня заела. Апломб работница областного масштаба. Другие могут, а я что же, хуже? Поеду верхом.

С помощью райкомовской табуретки и нескольких пар дружеских рук я оказалась в седле. Дали мне хлыст, объяснили дорогу. Я храбро сказала: «Ho-o!»

Что смешного находили во мне прохожие, до сих пор не пойму. Я добросовестно дергала за узду, помахивала хлыстом, а лошадь почему-то вертелась, как вьюн, на месте. Впрочем, иногда коняга ни с того ни с сего неслась аллюром.

Но тем не менее мы постепенно продвигались вперед. Районный городок наконец-то скрылся из виду, и я уже торжествовала победу человека над животным миром, когда до нас донесся далекий заводской гудок. Тут лошадь неожиданно навострила уши, победно заржала и, без моего согласия повернув на 180 градусов, пустилась вскачь...

Не прошло и десяти минут, как она лихо донесла меня до заводских ворот и, не обращая внимания на оторопевшего охранника, проскочила во двор. Еле живую меня сняли с седла.

Когда я заинтересовалась, почему лошадь так бурно прореагировала на заводской гудок, конюх объяснил:

— Ничего не поделаешь, конец рабочего дня. В это время ей задают корм...

Конец рабочего дня? Неужели я протолкала верхом несколько часов?

З. БЕРЕЗЕИЧУК,
преподаватель института,
комсомолка с 1936 года.

дичный призыв «Тореадор,

стал возможностей комсорга олотарева. В репортер-нер-химик прыгает на семь да. Приходится в спешке ре-

верности, художник вынес за легантную наездницу, канди-шкову, юную журналистку, чемпионку Галю Прозу парящую в воздухе Веру марафонца комсорга коман-ана. А вот комсорга штан-ва художник изобразил так енцов, по силам поднять уве-зять Куренцова! Доброго, рый никогда не злоупотре-

о вы видите на этом рисун-ные и дружелюбные ребята.

Вывожу один я на дорогу...

Рисунок Б. ПРОРОКОВА, «Комсомольская правда», 1943 г.

СОКОЛ ЯТА

В первые же дни Октябрьской революции я, будучи шестнадцатилетним парнем, поспешил из родного Владимира в Москву, а затем добрался до дачи-особняка «Черный лебедь», принадлежавшего известному богачу Рябушинскому. Здесь размещался красногвардейский отряд, в котором состоял мой отец. Надеялся, что примут в отряд и меня.

— Эй, Соколов! — крикнул дневальный. — К тебе соколенок прилетел!

Шутка красногвардейца крепко ко мне пристала: в отряде так и стали называть меня Соколенком.

В начале 1919 года ушел я добровольцем на Царицынский фронт. Жаркие тут были бои, тяжелые. Летом меня назначили комиссаром полка, а немного позже — комиссаром бригады. Комиссар-то комиссар, но лет ему всего восемнадцать, бриться начал совсем недавно да и сложения далеко не богатырского! Вот и снова все чаще называли меня не Соколовым, а Соколенком. Да и в приказах начали так же писать, в документах. В общем, я официально и окончательно превратился в Соколова-Соколенка.

К концу 1919 года наградили меня орденом Боевого Красного Знамени, а через полгода и вторым таким же.

Первую награду дали за бой с белогвардейцами, засевшими в селении Терса, что неподалеку от Елани. Вышибить их оттуда надо было любой ценой. Атаку назначили на утро, и бригада наша уже заняла исходные позиции. На рассвете отправился с шестью конниками в последнюю разведку.

Скрытно подобрался к самой Терсе. Установили, что силы у противника солидные, но караульная служба поставлена плохо, дозоров нет, часовых не видно. А что, если этим воспользоваться и сейчас же, немедленно, ворваться в селение?

Обнажив клинки, стреляя на скаку, изготовив гранаты, помчались мы вперед. Дерз-

ний замысел удалось осуществить. Не понимая, что происходит, белые начали панически покидать Терсу. Я со своей горстной разведчиков преследовал одну из отступающих групп...

Вдруг на мое левое плечо обрушился удар. Оглянулся. — и вижу за спиной свирепую рожу белого офицера. Оказывается, наши ребята свернули в сторону, а я в пылу боя оказался между двумя отрядами драпающих белогвардейцев. Обрушив второй удар мне на голову, офицер проскакал дальше. Вот вот меня настигнут и другие денкиныцы. Но со стороны наших окопов затрещали выстрелы. Своим огнем товарищи прикрыли меня, а двое или трое уже пришпорили коней, торопясь ко мне на выручку.

Вскоре Терса полностью перешла в наши руки. Моя рана в плечо оказалась серьезной, а на голове только царапина. Спасла фуражка. Разрублены тулья, околыш, но это и ослабило удар белогвардейской сабли.

Фуражку-спасительницу привез я после войны домой, спрятал, чтобы сохранить на память. Лет через пять снова приезжаю на побывку к родителям, спрашиваю о фуражке. Ищем ее, ищем — нигде нет.

— Была тут только одна, вся порезанная, — говорит мать.

— Она мне и нужна!

— Совсем же негодящая, сынок. Я ее в огороде на чучело надела.

Вышел я в огород. Да вот она, моя фуражечка! Что с ней сделали дожди и туманы! Но я тут же и посмеялся над самим собой Чудак, разве фуражка тебя спасла? Спасли товарищи, такие, как ты, боевые соколята.

Н. СОКОЛОВ-СОКОЛЕНКО,
генерал-лейтенант авиации в отставке,
комсомолец с 1918 года.

В БИТВЕ ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

— За что у вас звезда?
— На фронте потрудился. А у вас?
— За урожай повоевала.

Рисунок Л. БРОДАТЫ,
«Крокодил», 1938 г.

День. Н-ское море тихо покачивало Н-ский корабль, бросивший якорь в полумиле от границы. Якорь бросили для того...

...чтобы покрасить палубу...

...чтобы вывесить объявление о комсомольском диспуте на военно-морскую тему.

...чтобы посидеть в кают-компани и почитать. И поиграть в ряд полезных настольных игр. И посмотреть захваченный с базы кинофильм. И не по-

Стою!

смотреть по телевизору футбол, потому что позавчерашние волны долго качали корабль, как киевские динамовцы тренера Маслова. И хоть держали телевизор за бока два физически сильных матроса, он все-таки угораздился об пол раз и навсегда.

...и чтобы поспать.

Пусть бдят другие. Пусть патрулируют по берегу сухопутные пограничники, пусть другие сторо-

Комендор Александр Носин. Специальность до призыва — моряк-черноморец. Что собирается делать после демобилизации? См. специальность до призыва.

жевые корабли курсируют в пограничных водах, пусть летают над морем вертолетчики и не относятся халатно к плавающим предметам, могущим быть не только бревнами или дельфинами.

А этот корабль — на отдыхе. Он ночной сторож. Ночью караулит, днем — досуг на якорю.

Вот досуг, а...

...пушки расчехлены.

...черные бочонки глубинных бомб готовы один за одним скатиться в воду.

...выхлопная труба двигателей не перестает покашливать.

...комсорг экипажа Анатолий Нужин записывает в журнал все, что слышит в эфире. Он нынче вахтенный радист, ему положено.

...наблюдатель записывает все, что видит с помощью оптики, и все, что видит без помощи. Хотя бы такое: «14.43. На корабль высадились 2 корреспондента «Крокодила» — Гуров и Матвеев. Имя и отчество — 2 Евгения Александровича. Сопровождающий — 1 капитан III ранга Колотовкин».

Дежурный по кораблю сказал нам:

— Если я вам понадобится, дайте три звонка!

— А как вас называть?

— Да Санька я. Кобцев, в общем.

Но мы сами понадобились Кобцеву вечером. Командир корабля Архангельский приказал разыскать нас и предупредить, что корабль сейчас снимется с якоря. Он хотел, чтобы мы сами увидели, как это произойдет.

А мы как раз сидели в кубрике, где собралась чуть ли не вся команда. Комсомольское мероприятие — беседа с московскими журналистами.

Тут в кубрик и прыгнул Кобцев. Козырнул и объявил:

— Прошу извинения, через минуту будет боевая тревога!

Затрезвонил звонок, матросы вперегонки полезли наверх, выскочили на палубу и мы с Гуровым...

Кто плавает?

...Свежие отпечатки подошв на свежей краске, все уже на местах, короткая возня с люками, с якорем, и вот уж «якорь встал!», «якорь чист!». Корабль пошел.

Все люки наглухо задраены. Даже в рубке только огоньки освещения приборов да крохотный ночничок на столике командира. Корабль не афиширует себя избытком иллюминации.

Теперь всю ночь он будет ходить с короткими остановками вдоль линии границы, и капитан или его помощник Иванченко то и дело будут осведомляться, вот как сейчас:

— Кобцев, пеленг на огонь?

— Девяносто три! Девяносто один с половиной! Девяносто!

— На румбе? Лободенко!

— Двести семьдесят!

— Так держать!

Тут особенно важно не сбиться с курса, иначе и самим границу недолго нарушить. То и дело капитан или помощник вписывают в журнал свои координаты и все, что вокруг творится. «За год написали больше, чем Лев Николаевич Толстой за всю жизнь!» — слегка привирают они.

— Трассирующая очередь в районе погранзаставы! — кричит с мостика наблюдатель Косик, только что сменивший Кобцева.

У береговых пограничников ночные стрельбы. С берега до самого горизонта море обшаривают локаторы и мощные прожекторы.

На семь футов вглубь видит море невооруженным глазом Николай Худков. А вооруженным глазом... Короче говоря, шансы нарушителя границы равны нулю.

Солнца нет, луны нет, облаков нет, видимость кое-какая. На зеленом экране корабельного локатора медленно движутся два светлых зернышка. Это еще два сторожевых корабля, и один из них — на подводных крыльях, «крылатый», как его здесь называют.

Комсомольский экипаж Архангельского известен на базе «двойным» поросенком. В одном из таких же вот ночных обследований он захватил в море нарушителя — великолепного пловца с пачками банкнот в плавках. Тогда был дождь и был туман, пловца первым увидел наблюдатель Худков, четверо получили потом медали, а команде торжественно поднесли жареного поросенка.

Слух о жареном поросенке дошел до Москвы, и оттуда примчался наш коллега, фотокорреспондент, неотступно-настойчивый товарищ. Сфотографировал отличившихся, а главное, организовал для кадра новое вручение нового жареного поросенка.

Скушала комсомольская команда второго поросенка, фотокорреспондент переврал потом всех сфотографированных, а поросенок вышел на фото, как живой и ни с кем не спутанный.

— Третий поросенок вряд ли будет, — пришлось нам сказать команде корабля. — Расскажите, каков был первый, а мы его по вашим словам потом красочно нарисуем и красочно распишем. И, дай бог, тоже ни с кем и ни с чем не спутаем.

Старшину II статьи Александра Кобцева все на корабле величают «помполитом». Он помогает командиру в проведении политзанятий.

— Он был вкусный, — сказали все.

— Жареный, — добавили некоторые.

— Это было давно, — строго сказал Худков.

А других параметров не нашлось даже в вахтенном журнале. Так что, возможно, на страницы прессы снова просочился второй поросенок. Так что, извиняемся в случае чего.

И как раз вдруг снова запахло жареным. Корабль круто развернулся и, набирая скорость, понесся к берегу. На экране возникло третье «зернышко» возле самой границы.

— Худкова на мостик! — приказал капитан. — Что у них там?..

Не из-за глазастости звали Худкова. Он сигнальщик по специальности, и срочно надо было просигнализировать на береговую заставу прожектором, что поблизости появилась «цель». По радио заставка почему-то не отвечала.

На скорости усилился ветер, и с Худкова сразу сорвало берет и выкинуло за борт.

Подошли к «цели» ближе — «зернышко» на экране пропало.

— Цель, видимо, ложная, — доложил радиометрист Мельников. Но в этом еще надо было убедиться.

Береговая заставка ответила и световым сигналом и по радио одновременно. Худков осветил предполагаемую зону, и туда же упер толстый световой «ствол» береговой прожектор. Обшарили прожекторами, проутюжили кораблем — ничего нет. Ничего новенького не сообщил и локатор. «Цель» и впрямь оказалась ложной. Просто по-

«Камбуз — сердце корабля», — шутят моряки. Ритмично работать это сердце заставляет кок Арутюн Антонян.

мехи. Возможно, волны виноваты, возможно, дельфины. Днем такие помехи дают чайки, расклевывающие густой косяк рыбы.

Теперь помощнику капитана надолго хватит работы, чтобы подробно описать все только что проделанные маневры и операции.

А корабль снова ложится на обычный курс вдоль границы. Только возле бортов поблескивает фосфоресцирующее море.

Ночь прошла без происшествий. Когда вновь встали на якорь у берега, Кобцев воззвал:

— А ну, сыграем в доминище!

Но желающих не оказалось.

Кобцев спустился в кают-компанию и увидел там горящего кока Антоняна.

— А ну! — сказал Кобцев, зазывно высыпая на стол костяшки. — Один на один, а?

Но коку было не до пустяков. Он только что узнал, что его «Спартак» потерял очко.

И тогда плохо отнесся товарищ Кобцев к беде товарища Антоняна. Он принялся злорадствовать, он обозвал «Спартак» не командой и вконец расшевелил приятеля.

— А кто это там написал? — мстительно спросил тот, указывая на стенку. А там болтался на веревочке (привычка все вешать на случай качки) отрывной календарь, и на вчерашнем листочке чернилами было написано: «Таня. 19 лет».

Посмотрел на календарь Кобцев, посерьезнел, посмотрел еще и в угол и сказал:

— Не знаю.

А матрос в кедах, копавшийся в книжной полке, покраснел и вырвал листок.

На календаре теперь было свежее число.

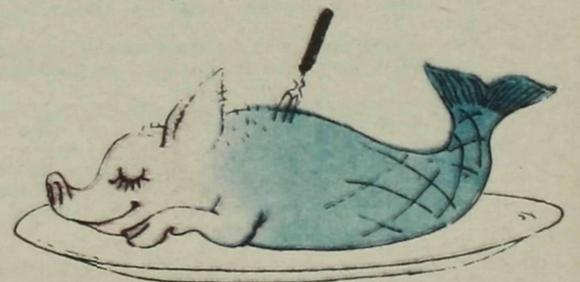
Рисунки Е. ГУРОВА,

комсомольца с 1943 года,

текст Е. МАТВЕЕВА,

комсомольца с 1951 года,

специальных корреспондентов Крокодила. Н-ское море.

Девушка из Рóссии

Обращаю внимание читателей: ударение на *о*. Так у меня и записано в одном из старых блокнотов — «девушка из Рóссии». Дело было в Белостоке в 1939 году, в дни воссоединения западной и восточной Белоруссии. Там я и познакомился с приятным молодым человеком Павлом Крыловым — он приехал сюда в командировку по какому-то комсомольскому заданию.

Вместе с ним мы пошли в театр. До начала спектакля оставалось еще много времени — минут двадцать.

Крылов вначале посетовал, что пришел слишком рано. Но, кинув разведывательный взгляд на соседку, сидевшую рядом с ним, пришел к философическому заключению: «Лучше рано, чем поздно».

Это была стройная, изящная девушка. Глаза, кажется, серые. Одеты просто, но с большим вкусом.

«Они здесь, черти, умеют одеваться, — подумал он. — Интересно, что это за паненка? Служит, наверно, на почте или кассиршей в магазине. Надо выяснить, понимает ли она по-русски».

Он сделал галантную улыбку:

— Прощу извинения...

Он сказал не «прошу», а «прóшу», с ударением на первом слоге, чтоб звучало по-польски.

Девушка приятно улыбнулась. Ободренный таким быстрым развертыванием событий, наш герой, продолжая галантно улыбаться, спросил:

— Российскую мóву разумеете?

Она опять улыбнулась.

— Добже зрозумяла, — ответила она. — Что-нибудь говорю.

Это должно было означать:

— Понимаю хорошо и кое-как разговариваю.

Крылову страшно понравились и «добже» и «что-нибудь». Она так смешно и мило разговаривала, путая ударения, падежи, мешая польские слова с русскими.

До поднятия занавеса было окончательно выяснено, что она не какая-нибудь гонористая аристократка, а трудящаяся девушка. Конкретно: машинистка. «Рóблю на «Ундервуде», — сказала она и этим совершенно очаровала моего молодого спутника.

Но в антракте, когда они пили в буфете какой-то розовый квас, девушка начала задавать Крылову глупые вопросы:

— Правда ли, что в Рóссии девушкам запрещается танцевать с молодыми людьми?

— Можно ли вашим мужчинам носить галстуки?

— А в Москве трамвай есть?

Крылов от души смеялся.

«Как они мало знают о нашей стране! — думал он. — Какую чепуху им десятилетиями вдалбливали в головы!»

В нем проснулся опытный агитатор. Он вплоть до третьего звонка горячо говорил девушке о Москве, рассказывал о том, как живет, как работает и отдыхает советская молодежь.

Но в следующем антракте из уст девушки полились еще более глупые вопросы:

— Можно ли в Рóссии сочинять стихи?

— Верно, что у вас любовь запрещена?

Крылов уже не смеялся. Правда, она по-прежнему продолжала мило коверкать русские слова. Но это уже немощно раздражало Крылова.

«Какие здесь водятся дуры! — размышлял он. — Но, может, она в этом не виновата? Так их здесь воспитывали...»

Он провожал ее домой. В этот час на улицах Белостока было мало людей. Над городским садом висела спокойная, задумчивая луна. Все это опять настроило Крылова на лирический лад. Он стал читать своей спутнице стихи о луне, звездах и ветре.

Девушка сказала ему, что хотя она плохо поняла российские верши, но чувствует, что это бардзо ладне, то есть очень красиво.

— Наилепшие верши, — сказала она.

Вдруг она спотынулась и в испуге вскрикнула:

— О, Езус-Мария!

Это опять не понравилось Крылову. И он сразу с чистой лирики переключился на антирелигиозную пропаганду. Зло высмеивал религию и удивлялся, как это мозги молодой девушки засорены такой чепухой.

Она ни слова не ответила.

Миновав почту, она остановилась у подъезда.

— Ту е мой покой, — сказала она. — Довидзения.

— Можно позвонить вам на работу? — спросил Крылов. — Какой ваш номер телефона? И, кстати, скажите, как вас зовут?

— Угадайте, — сказала она, смеясь.

— Ванда? Ядвига? Бронислава?..

Больше польских женских имен он не знал. — Не угадали, — сказала она. — Меня зовут и здесь и в Тамбове, откуда я приехала, Валея Козловой. Вам нетрудно будет запомнить.

Крылов иннул от удивления и, не попрощавшись, быстрым шагом удалился. Он шел и ругал себя самыми последними словами: «Ну и дурак! Целый вечер меня водили за нос...»

Об этом рассказал мне сам пострадавший Павел Крылов.

Дня через два я встретил его на улице. Он шел с этой девушкой. Увидев меня, остановился и весело сказал:

— Знакомьтесь. Это Валя Козлова, машинистка из Тамбова. Девушка из Рóссии. Участница художественной самодеятельности — играет и поет.

— А много здесь таких девушек из Рóссии?

— Много, — ответила мне Валя. — Обязательно приходите завтра к нам на концерт. Проще бардзо!..

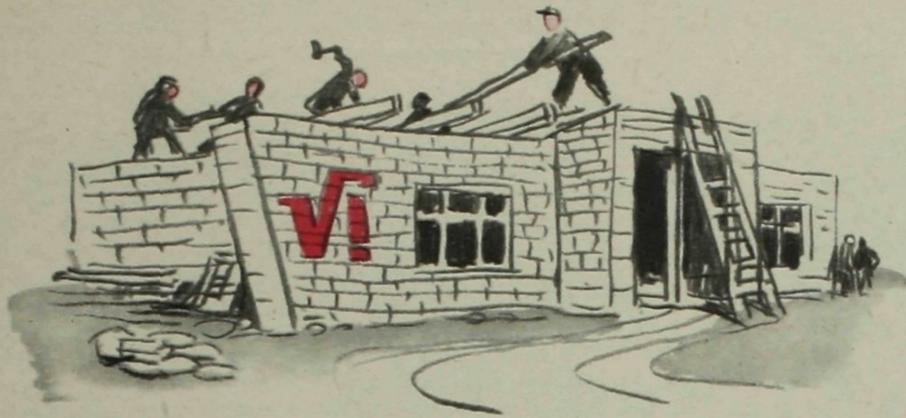
Е Р М А К: — Привет молодым покорителям Сибири!

Рисунок Л. ГЕНЧА,
«Крокодил», 1956 г.

— Я милого узнала по походке!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА,
«Крокодил», 1952 г.

Автограф физиков на клубе.

Где-то допустили ошибку в оформлении нарядов (счета все-таки не электронно-вычислительная машина).

ОБЪЕКТЫ РАЗНЫЕ

КТО ЗДЕСЬ ПЕРВЫЙ!

Кто последний? Такова классическая форма вопроса. Мы же бродили по штабу с антивопросом: кто здесь первый? Ибо уяснить себе структуру Петропавловского студенческого стройотряда пока что не удавалось. Здесь никто не стоял в очереди, но все куда-то бежали.

Мчался начальник медицинской службы. Болидом летел повелитель службы транспорта. Шурша чертежами, пронесился император инженеров.

— Я буду жаловаться на вас Суржикову, — раздался из кабинета такой тихий и страшный голос, что все остановились. — Суржиков этого так не оставит.

Судя по всему, телефонный собеседник Петра Краевского упал в обморок при одном упоминании о Суржикове. Очевидно, Суржиков и был здесь самым первым.

— Да нет у нас никаких первых, — засмеялся Краевский, командир областного отряда. — Нас, студентов-строителей, тут больше двух тысяч. Из Казани, Москвы, с Кубани, из Таганрога... Двадцать вузов, один техникум. Построили около двухсот объектов разных. А Суржиков — это...

В кабинет вбежал начштаба Марс Муракаев и благоговейно воскликнул:

— Есть колеса для корреспондентов! Суржиков распорядился подать к подъезду... Так куда вы хотите ехать?

Зазвонил телефон.

— Поезжайте в Булаевский, — сказал Краевский, положив трубку. — Суржиков считает, что надо сначала туда. Там москвичи справили десятилетний юбилей. Но быстро — машина ждет.

Во дворе вздрагивал от нетерпения «ГАЗ-69». Мы влезли в его пыльное чрево, и он с ходу набрал сумасшедшую скорость.

— Стойте! — раздался сзади чей-то бас. Авто улепетывало. — Остановитесь! Я же от Суржикова!

«ГАЗ» так и ткнулся носом в землю. Мы задро-

жали: кто знает, чего можно ждать от тирана?.. Набежавший суржиковский человек накрыл нас кошмой и вручил картонки со словом «Приглашение».

— После Булаевского, — велел нам гонец, — поедете в Грузинский политехнический. ТАК СКАЗАЛ СУРЖИКОВ.

ЭЙ, БЕЛГОРОД ПОЛОТНЯНЫЙ!..

Североказахстанские дороги — грейдерные, проселочные, улучшенные, областного значения и все прочие — преследуют только одну цель: вернуть вас на круги своя. Они юлят, кружат и хитрят на равнине, покрытой абсолютно одинаковыми березовыми рощами. Мы ехали, руководствуясь голой интуицией. На перекрестках шофер спрашивал, куда дальше.

— Направо, — говорил я. — Нет, пожалуй, налево.

— Ну, тогда я поеду прямо, — мрачно решил водитель. — Прямота — лучшая политика.

Шофер оказался прав, и наконец мы как-то сами по себе въехали в Булаевский совхоз...

Издали полотняный городок зодчих из МГУ чем-то напоминал временный аэродром: палатки, флашток, вагончики, антенны... Студенты в зеленых робах походили на десантников.

Нас встретил командир отряда физик Саша Паль.

— А-а, печать, — благосклонно сказал командир и потрогал газиковские покрышки. — Выходите, выходите, гостями будете. А машинка у вас ничего себе...

Такая техническая заинтересованность командира вскоре же разъяснилась. Студенты с наслаждением используют транспорт корреспондентов для двенадцатикилометровых деловых поездок в центральную усадьбу. Тариф: интервью — поездка.

После обеда мы целый день осматривали «объекты разные», возведенные студентами: клуб со знаком радикала, жилые дома с «автографами» строителей, школу, сарай...

— Цемент, цемент! — слышали мы повсюду оглушительные молодые голоса. — Где жидкий цемент? Почему сюда не едет Суржиков?

К вечеру разнесся слух, что Суржиков будет. Мы же изъявили желание непременно лечь в палатках, чтобы «было все, как у студентов...»

Мы плюнули на эту нашу фанаберию минут через восемь после лежания в полотняном айсберге и бежали в вагончик. Хотя, правда, при здешних ночах и вагончик — даже не коммунальщицкая гостиница «Вечная мерзлота».

Это много холодней как по Цельсию, так и по Фаренгейту. Кстати, по Реомюру это просто невыносимо. Первое одеяло нам принес физик Паль, содрогаясь от жалости. Затем еще три были доставлены юристом Феликсом. Он куда-то подозрительно торопился и, укутывая нас, приговаривал:

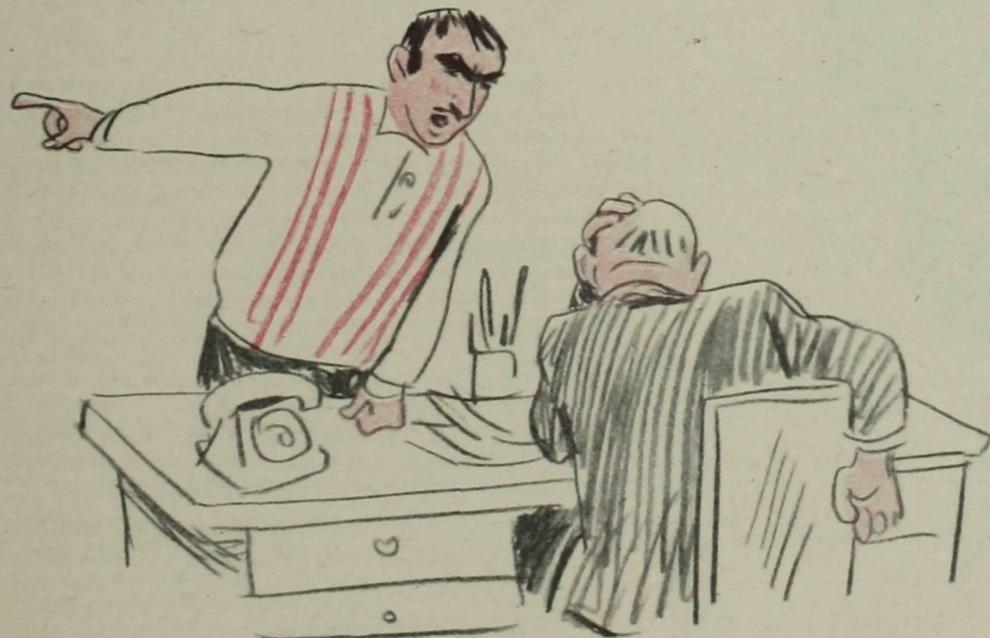
— Вот так, братцы... Так, значит, братцы... Ах, болезные...

Туже натягивая одеяла, мы кокетливо протестовали. В полночь приехал всемогущий Суржиков. Мы замерли под ватными горами.

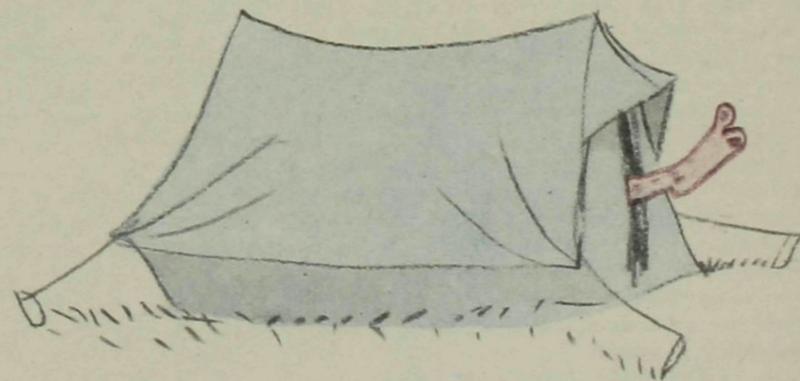
— А одеяла им дали? — спросил Суржиков, заглядывая в вагончик. Он бросил на нас еще что-то, а сам повалился спать в командирском отсеке. Я откопался, как зимовщик, и вылез наружу. Голым звездам было зябко в мифистофельской черноте, они просились под одеяло. Из палаток доносился такой храп, что его энергию можно было бы даже использовать.

В переднем отсеке стонал всемогущий Суржиков. Ему снился жидкий цемент, заливавший его по уши. Далеко впереди и по бокам антарктически сверкали архипелаги разных объектов. Их свет согревал душу.

Суржикова мы так и не увидели. На рассвете он ускакал в степь по каким-то своим диктаторским делам.

Толкач высшего типа.

— Как там по Фаренгейту!

ТОЛКАЧ НОВОГО, ВЫСШЕГО ТИПА

Им и оказался Суржиков. Официально он начальник службы снабжения. Грубо говоря, толкач. С тем отличием от опытейших учреждений «волков», что снабженец комсомольский молод, напорист, горяч. У него прекрасные мускулы и безупречное горло. Там, где старый «фитиль» пасует, молодой запросто парализует психику сбытовиков.

Попробуйте-ка «выбить» цемент у Семипалатинского, Топкинского или Кемеровского цемгигантов! Особенно когда гиганты кивают на МПС, не дающее подвижного состава... Есть от чего потерять голову.

Но толкач молодежный не теряет бодрости духа никогда. Даже в сфере снаб и сбыта. В эти годы Суржиков так наловчился, что за ним охотятся кадровики многих учреждений. Но Суржиков не продает душу коммерческому расчету...

— Вот обеспечу всех цементом, — говорит Суржиков, — и уйду целиком в науку...

Суржиков дорог и ценим. Без него не обходится ни одно мало-мальски солидное предприятие. Когда здесь гуляли свадьбы философы Гриша и Ира Кузнецовы, Суржиков и тут расстарался: достал в пустыне тридцать восемь бутылок минеральной воды!

Таков уж здешний сухой закон.

«Я НЕ МОГУ ДОРМИР В ПОТЕМКАХ...»

До сих пор мало кто знает, каким образом сыновья-студенты прекрасной Франции, ехавшие на прогулку в Бухару, очутились в студгородке. Вместе со своими джинсами и несессерами они выпрыгнули из грузовика и обозрили экзотическую даль.

— Сэ формидабль, — трубно сказал ихний главный студент философии. — Здорово. За это надо выпить...

Так назрел дипломатический скандалчик, инцидент. Международно улыбаясь, Саша Паль жестами попросил сдать спиртное и карты на хранение.

Насчет карт гости не возражали. Что же касалось «Столичной», то наиболее анархические туристы стали строить баррикаду из саквояжей. Впрочем, к вечеру Генеральный философ, отрывая от груди несколько «злodeек с наклейкой», заявил, что утром французы выходят на работу. Как там говорится? Кто не работает, тот... Парламентер бросил отчаянный взгляд на «эту изумительную водка рюсс» и ушел прочь.

Франция не подкачала. Ее сыны, как львы, доблестно месили навоз, не отставая от волооких азиатских дев. Ночами гости употребляли исконный латинский метод сугрева — быстрый разговор, рассуждая о загадочности славянских, тюркских, семитских, кавказских и прочих душ, с энтузиазмом топтавших «се навоз» вдали от утепленных клозетов.

Затем вышел курьез. Главный философ, бормоча что-то о «некоммуникабельности», отказался выйти на работу.

— Кто не работает, — злорадно выкрикивали пролетарский лозунг дети средних и крупных буржуа, — тот не ест!

И, пробегая на строительство мимо палатки философа, старались всячески унижить бунтаря-одиночку. Оттуда слышался вызывающий смех. Чуть позже философ воровски вылез из своего жилища и пошел на кухню. Там он надел колпак. Короче, рагу, изготовленное для строителей бунтарем-одиночкой, было бы не страшно подать к столу капризного монарха Луи XIV, известного всем по киношедевр «Анжелика и король».

— А еще говорил — пуркуа ву туше, — одобрительно сказал юрист Феликс, — я, мол, не могу дормир в потемках...

Все засмеялись. И студент-журналист болгарин Дойчин Дойчинов, и международник-поляк Микола Холуб, и экономист из ГДР Петер Шютцпельтц, а также посланец Индии далекой биопочвенник Кришнамурти...

Вечер садится на крышу... Трудится над школьным зданием усатый москвич Вадим Стяжкин, похожий на хитрого старичка колдуна. Ему помогает бразилец с неправдоподобным именем Табак Марсел. А над ними парит сам царь и бог техники безопасности, аспирант кафедры научного коммунизма — Лев Клепацкий. Он держит плакатик с берцовыми костями: «Помни! Твоя жизнь — в твоих собственных руках!»

Чем не интербригада? Такие могут всё. Это они придумали стишок:

Два отличника с мехмата
Заменяют экскаватор.
А один студент обычный
Заменяет лошадь с дышлом...

Вечерами — танцы в прекрасном клубе, новые

Почти по Родену. «Мыслитель» с философского факультета.

Преодоление языкового барьера.

«Мисс Целина».

кинофильмы, концерты... Даже выборы «мисс Стройотрядов». Феликс вертит превосходный транзисторный приемник последнего выпуска. А мне вспоминаются далекие годы...

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Я был типичной канцелярской крысой, носил очки и служил в министерстве. Переводил с финского технические статьи, зная на языке Суоми два слова: одно — ужасное ругательство, другое — чуть поинтеллигентней. Как-то раз, изнемоги от неравного поединка с шестнадцатью финскими падежами, я прислушался к репродуктору: Родина звала убирать наш общий хлеб. Чуть ли не следующим утром в райкоме мне дали путевку на целину, а через несколько суток мы ехали в теплушках неизвестно в какой пункт, но, как нам казалось, определенно на край света...

Девять ночей заочно переговаривались селекторы на узловых станциях. Прожекторные вышки сияющими брошками висели в черном пустом небе, а днем коршуны бросали на степь аэроплан-ные тени.

Я щеголял в стеганке (она же ватник или «куфайка»), которую наверняка носил еще сам Ермак Тимофеевич, такая она была грязная и большая. Обширные шаровары дополнялись модельными ботинками. В них были картонные подметки и очень красивые «верха» с узорными швами. На старой Петропавловской эвакустанции нашу теплушку буквально украл директор откормсовхоза. Свою приветственную речь он дочитывал в грузовике, окутываемый солярочным облаком. Оторвавшись от текста, директор неожиданно призвал нас к «увеличению привеса»...

Мы жили в траншеях, заливаемых ливнем, а воду привозили в цистернах откуда-то с Енисея, а возможно, и с Замбези, причем пить ее можно было, лишь прокипятив три раза.

Меня приставили к быкам возить соломенные маты для покрытия сарая. Убежден, что лингвистически быки — самые одаренные существа в мире. Ибо когда я исчерпывал русско-казахские увещевания (включая бычье эсперанто — «цоб-цобе»), я произносил два финских проклятия, одно — страшное, другое — помягче; и быки трогали с места. Я брел за ними в ботинках без подошв и в оправе без стекол.

— Эй, очки! — подбадривающе кричали коллеги. — Надай!

В общем, надали. Хлеб был нами все-таки убран, а заработок частично был истрачен в станционном буфете ровно за шестнадцать минут до отхода поезда. Этого времени едва хватило на скверное пиво. Размазывая слезы с дождем, директор сбежал в лавчонку и на свои кровные купил нам колбасы «махай-махай». Нас развезло от пива, мы тоже плакали и высовывались из окон до тех пор, пока на перроне виднелась маленькая фигурка в широких галифе...

С тех пор прошла дюжина лет. Мы постарели, полысели, но хлеб наш неплох: в нем замешена наша капля пота.

«Именем Родины клятву даем,
Именем жизни клянемся павшим героям:
То, что отцы не допели, мы допоем!..
То, что отцы не достроили, мы достроим!..»

Эта строфа взята из «Приглашения», врученно-го нам Суржиковым. А исторический экскурс я совершил вовсе не с целью порисоваться: вот-де, мол, в наше-то время, в окопах... Нет.

Мы стояли на митинге в честь открытия памятника Павшим героям, который построили студенты Тбилисского политехнического института имени Ленина. Было тепло, светло и грустно, как бывает, когда вечер и играют шопеновский марш.

Мы стояли всеми поколениями, которые только могут быть на земле. Комсомолец гражданской войны, открывший памятник; секретарь райкома партии — комсомолец первых пятилеток, сказавший речь; комсомолец сороковых годов, райвоенком, у которого половина спины вырвана фашистским снарядом; ваш спецкор, комсомолец послевоенный, и Гоги Гедеванишвили — автор проекта памятника, комсомолец наших дней.

Серое покрывало медленно и грозно сползло с трехгранного обелиска, устремленного в небо... Нет, это врут о конфликте поколений. Да, раньше были окопы, вши и «затируха». Теперь — радостные здания, транзисторы и вкусный хлеб, хлеб наш насущный, хлеб наш общий. И это — хорошо! Он никогда и никому не давался даром.

Текст Вл. МИТИНА,
комсомольца с 1945 года,
рисунки А. ЦВЕТКОВА,
комсомольца с 1941 года.

специальных корреспондентов Кронодила
Северный Казахстан.

СЕКРЕТ ПОПУЛЯРНОСТИ

В штаб-квартире американского «Корпуса мира» царил тоска и уныние. Кривая настроения его шефов падала вниз быстрее, чем курс акций во времена наименее удачных биржевых лихорадок. И виной тому были вовсе не промозглая октябрьская погода и туманы, нависшие над Вашингтоном, а плачевное состояние дел этой «добровольческой молодежной организации», призванной пропагандировать за рубежом американский образ жизни со всеми его рекламными прелестями.

Начальник отдела кадров забаррикадировался в своем кабинете, спасаясь от «отступников» — длинной очереди корпсменов, выстроившихся у его дверей с заявлениями об уходе. Ко всему прочему, что ни день, приходили известия об очередном изгнании оскандалившихся корпсменов из тех стран, которые столь усердно обхаживал госдепартамент. А такие скандалы, естественно, оптимизма шефам «Корпуса мира» не прибавляли ни на йоту.

Как писал недавно американский журнал «Ньюсуик», количество заявлений о зачислении в «Корпус мира» упало на 30 процентов. «Эксперты в Вашингтоне считают, что это вызвано вьетнамской войной, а восстановления дома заставляют американцев быть циничными в отношении их веры в способность что-то изменить в мире». Уж что-то, а это начальник отдела кадров знал лучше «Ньюсуика»: новых волонтеров приходилось тащить в «Корпус» чуть ли не волоком...

От мрачных мыслей его оторвал телефонный звонок. Директор «Корпуса» приглашал всех начальников отделов прибыть на срочное совещание. Мистер Джек Худ Вон сообщил подчиненным сенсационную новость:

— Согласно анализу наших коллег (он кивнул в сторону представителя ЦРУ, непременно присутствовавшего на всех совещаниях), влияние «Корпуса мира» на народы слаборазвитых стран и его популярность подрываются в результате... конкуренции молодых русских специалистов, которых засылает в эти страны советский комсомол. Совершенно очевидно, что русские изобрели неизвестный нам способ покорять умы и сердца азиатов, африканцев и латиноамериканцев, и это уже само по себе угрожает безопасности Соединенных Штатов. Ввиду этого по рекомендации наших коллег (снова кивок в ту же сторону) мы должны узнать их секрет, чего бы это ни стоило.

Вполне возможно, что не один только «Корпус» изучает сейчас самым дотошным образом, в чем же секрет популярности наших комсомольцев, работающих за рубежом. А секрет этот и прост и сложен одновременно. И я, как сотрудник «Комсомольской правды», беру на себя смелость его раскрыть у всех на глазах.

...Бьют тамтамы. Их звук далеко разносится по малийским джунглям. На полянке у костра лежит африканец с закрытыми глазами. Вокруг него прыгает и кружится в ритуальном танце разукрашенный перьями

и красками знахарь. Рядом с костром сидят двое наших врачей — Валерий Беспятов и Светлана Федорова, приехавшие в Мали по комсомольской путевке. Они наблюдают и за бслньным и за знахарем, записывая что-то в свои блокноты. У больного шистоматоз — червь попал под кожу. Знахарь пытается этого червя выгнать. Выходит это у него далеко не всегда, но все-таки иногда получается.

Вот Валерий и Светлана и пришли познакомиться с «коллегой». Ведь он, хотя и не кончал ни Первый, ни Второй медицинский, знает все местные целебные травы и воды, все тайны народного врачевания.

Правда, того больного у костра вылечили все-таки Валерий и Светлана в своем маленьком госпитале неподалеку от Бамако. И не одного его. Малийцы полюбили их и идут к ним на прием, как в гости.

Я спросил нашего корреспондента по странам Африки Л. Кузнецова, который рассказал мне об этих ребятах, в чем же секрет их популярности. Он ответил:

— Секрета, пожалуй, нет. До них в этом госпитале работали датчанин, француз и японец. Лечили не хуже. Но жили, как за каменной стеной, отгораживаясь от малийцев. А Валерия и Светлана, как у нас говорят, — свои в доску. Даже знахарь — и тот отдал им своего племянника в обучение. Им верят и говорят про них уже афоризмом: «Они советские, они все могут». Послушай, а может быть, в этом и есть секрет?

Я снова вспомнил этот афоризм, когда читал старую легенду о боге Кнуме, который жил в Асуане на острове Слонов и регулировал уровень воды во всем Ниле. Богу, впрочем, это не всегда удавалось. И поэтому на Асуан пришли люди, чтобы перегородить Нил плотинами. Семьсот пятьдесят наших специалистов — лучшие парни с ударных комсомольских строек, боги экскаваторов, бульдозеров, монтажа и подъемных кранов — приехали в Асуан, чтобы помочь народу ОАР сделать то, чего не смог и сам бог Кнум. Но они приехали не как боги, а как друзья. И как равные работали вместе с арабскими рабочими и инженерами на этой титанической стройке.

— Говорят, что в Асуане все меняется, — сказал инженер и ученый Камель Нашит, проработавший семь лет на строительстве этой плотины, — это неверно. Не меняется характер и поведение советских специалистов. Не меняется и уважение, с которым мы к ним относимся.

Так в чем же секрет? Открыть его мы попросили старшего инженера базы гидросилового оборудования на Асуане Василия Золотаренко. Он ответил:

— Даже не знаю, что сказать. Египтяне — народ гордый. Но если кто-то из них чего-то не понимает, он всегда идет за советом к советским. И знает наверняка, что свысока с

ним никто говорить не будет — ни рабочий, ни старший специалист. Может быть, секрет именно в этом?

У монтажника-верхолаза Жени Царева, который работает на строительстве Хардварского турбинного завода в Индии, такая профессия, что смотрит он на землю свысока. Но никогда — на своих индийских товарищей по работе.

— Я сюда приехал в августе 1965 года, — рассказывает Женья. — Монтаж пролетов тогда только начался. Смотрю: конструкцию поднимают наверх, а там за качеством уже никто не следит. Контролеры наверх лезть боятся — высота-то побольше пятиэтажного дома. Стал лазить сам и друзей-индийцев с собой тащу. Постепенно привыкли. Подучил их, конечно, и технике безопасности. Качество — первое дело. В нем наше лицо.

Может быть, в этом секрет? И не только в этом. Один индеец, по фамилии Сингх, говорил советскому журналисту:

— Ваш специалист не боится руки в масле измазать, сам резец заточит, если нужно. И потом, ваши инженеры обращаются с нами, как с равными. Они не только показывают, они учат мыслить, и у них нет от нас секретов. Западные эксперты только показывают — «от сих до сих» и, бывает, смотрят на тебя, а глядят словно в пустоту.

Друзья друзьям — рознь. Мне рассказывали ребята, работавшие в Конго, как наши специалисты строили в их столице Браззавиле пионерский лагерь. Они уже начали расчищать площадку, когда вдруг однажды, придя утром на стройку, увидели, что она вся зарыта окопами. Оказалось, что ночью там поработали китайские «революционные друзья», одержимые зудом «культурной революции». Их, конечно, попросили уйти. Причин своего «творчества» они конголезцам не объяснили. Но, может быть, и они донапывались до секрета популярности наших ребят в Африке?

А секрет этот и прост и сложен одновременно. Он не только в делах, но и в сердцах наших молодых специалистов-комсомольцев, которые едут на дальние меридианы не за прибылями, не за акциями, не за карьерой, а за дружбой. Едут и работают так, как велит им их комсомольская совесть.

Вот поэтому-то им верят, оттого-то их и любят. И даже когда они уезжают к себе на Родину, остается добрая память об их делах, поются о них песни.

Могут ли мечтать о таком пропахшие марихуаной и виски волонтеры из «Корпуса мира»? Поймут ли когда-нибудь, что секрет популярности наших ребят — в них самих, в людях нового века, нового склада?

В. БОЛЬШАКОВ,
комсомолец с 1951 года

КРОКОДИЛ

№ 29 (1895)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК СЕДЬМОЙ

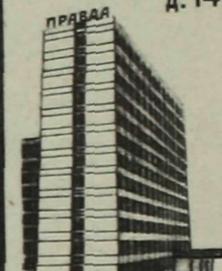
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор —
М. Г. СЕМЕНОВ,
комсомолец с 1929 года.

Редакционная коллегия:
А. Н. ВАСИЛЬЕВ,
комсомолец с 1922 года.
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
комсомолец с 1943 года.
А. Е. ВИХРЕВ
[зам. главного редактора],
комсомолец с 1945 года.
Б. А. ЕГОРОВ,
комсомолец с 1939 года.
Б. Е. ЕФИМОВ,
комсомолец с 1923 года.
В. Д. НАДЕИН
[ответственный секретарь],
комсомолец с 1954 года.
И. М. СЕМЕНОВ,
комсомолец с 1926 года.
С. В. СМЕРНОВ,
комсомолец с 1932 года.
А. А. СУКОЦЕВ,
комсомолец с 1943 года.
А. И. ХОДАНОВ,
комсомолец с 1949 года.
Е. А. ШУКАЕВ,
комсомолец с 1952 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00184.
Подписано к печати
8/X 1968 г.
Формат бумаги 70×108¹/₂.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 900 000 экз.
(1 завод: 1—4 109 300)
Изд. № 1648.
Заказ № 2774.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

— В трудную для нашей команды минуту комсорг всегда выручит!

Рисунок для этого номера выполнил художник Курт КЛАМАНН, наш гость из ГДР, хотя и не комсомолец, но член СЕПГ с 1926 года.